

КОМУ ДОСТАНЕТСЯ МОЁ ИМЯ



МИРА РАНСКАЯ



Мира Ранская

Кому достанется моё имя

«Автор»

2026

Ранская М.

Кому достанется моё имя / М. Ранская — «Автор», 2026

В приморской слободе Белые Сваи чудеса умеют говорить чужими голосами, зажигать второй маяк и складывать имена из соли. Савватий Рун зарабатывает тем, что разоблачает такие знамения. Но на этот раз каждая подделка ведёт к настоящему древнему договору: туман защищает гавань, пока один человек платит за безопасность собственным именем. Когда жители выбирают Савватия новым носителем, ему предстоит доказать, что общий крик ещё не означает согласия. Договор нельзя уничтожить — только переписать на другого. Чтобы не переложить проклятие на невиновного, Савватию придётся довериться сестре-маячнице, молодому переписчику и мастерам, которых годами использовали вслепую. «Кому достанется моё имя» — самостоятельный роман о цене спасения, проверяемой правде и праве человека самому отвечать на вопрос, заданный от его имени.

© Ранская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Раковина, которая отвечает	6
Глава 2. Белые Сваи	12
Глава 3. Второй маяк	20
Глава 4. Старший цеха	28
Глава 5. Соль на пороге	38
Глава 6. Имя кандидата	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мира Ранская

Кому достанется моё имя

От автора

Мы охотно проверяем необычный предмет: ищем нить, тайную пружину, ловкость рук. Гораздо труднее проверить историю, которую одновременно повторяют десятки честных людей. Ещё труднее — отказаться от удобной лжи, если она действительно защищает дом.

Эта книга — о цене согласия и о праве человека знать, за что именно он платит. В Белых Сваях имя не просто отличает одного жителя от другого. Оно связывает поступок с ответственностью. Потерять имя здесь значит остаться среди людей и всё же исчезнуть из общей памяти.

Перед вами приключенческое фэнтези и расследование. Все его правила открываются через вещи, работу и выбор героев. Я надеюсь, что вы войдёте в туман вместе с Савватием Руном не ради готового ответа, а ради вопроса: кто вправе назначить цену спасения — тот, кто знает больше, или те, кому предстоит её платить?

Глава 1. Раковина, которая отвечает

Раковина назвала первое имя, когда Савватий ещё не успел поставить корзину на землю. — Данила Шорох, — выговорила она глухим женским голосом. — Три меры за прошлую осень.

Торговая площадь ахнула не вся сразу. Сперва замолчали те, кто стоял у прилавка Даны Лещ, потом тишина кругами разошлась между бочками с сельдью, корзинами водорослей и низкими столами, на которых блестели ножи. Даже чайки над крышами будто отлетели подальше. Остался плеск под настилом да постукивание плохо привязанной вывески.

Савватий задержался у края толпы. Корзина оттягивала руку: складные весы, две зеркальные пластины, коробка сургуча, мешочки с чистой и сырой солью. Всё привычное. Непривычным было то, как люди смотрели на большую белую раковину посреди рыбного прилавка. Не с любопытством — с облегчением. Чудо успело сказать то, что многим хотелось сказать самим.

Данила Шорох стоял у бочки с мойвой. Сначала он усмехнулся, словно услышал плохую шутку, затем оглянулся на выход с площади. В сорок лет человек ещё может быстро бегать, если сапоги не скользят по рыбьей чешуе. У Данилы скользили.

— Никаких трёх мер, — сказал он. — Две отдал. Третью Дана простила за починку крыши.

— Не я простила, — отозвалась торговка.

Она держала руки перед собой, широко растопырив красные от холода пальцы. Так показывают, что ничего не трогают. Дана было за пятьдесят, и двадцать из них она продавала рыбу на одном месте. Её трудно было представить испуганной собственным товаром, однако к раковине она не подходила.

На прилавке лежал морской рожок длиной с предплечье, молочно-белый, с бурой каймой у раструба. В Белых Сваях такие находили редко, после сильного восточного ветра. Их ставили над дверями: считалось, что пустая раковина напоминает шум моря и не пускает в дом дурной туман. Эта была мокрой. По виткам стекали капли, хотя отлив начался ещё ночью.

— Тогда назови, кто простил, — потребовал Данила.

Раковина молчала.

Толпа придвинулась ближе. Кто-то шепнул, что дух не отвечает на дерзость. Кто-то возразил: дух отвечает только тому, кто спрашивает без шапки. Данила сорвал шапку так поспешно, что едва не бросил её в рыбью слизь.

— Кто простил мой долг?

Белый раструб глядел на него тёмной глубиной.

— Видишь? — Данила повернулся к людям. — Подсунули старую трубу и ждут, что я испугаюсь.

— Данила Шорох, — повторила раковина. — Три меры за прошлую осень.

Теперь ахнули все. Данила побледнел, а Дана Лещ перекрестила запястье двумя пальцами — старым знаком рыбаков, которым будто завязывали на руке обратную дорогу.

Савватий поставил корзину.

Звук пришёл с опозданием. Между вопросом Данилы и ответом прошло ровно столько, сколько требовалось человеку под прилавком, чтобы услышать слова, найти нужное место и привести устройство в действие. Но прятаться там было негде: столешница лежала на двух козлах, между ними виднелись сапоги Даны и мокрые доски.

Он посмотрел выше. Над торговыми рядами тянулись верёвки с сушёной травой, медными рыбками и полосами синего полотна. Любая могла скрыть нить. Ветер дул от гавани, полотнища выгибались в сторону старой соляной башни. Ни одно не дёрнулось в миг ответа.

— Савватий Рун пришёл, — сказал кто-то за его спиной.

Облегчение толпы переменяло направление. Теперь люди смотрели не на раковину, а на него. Этого Савватий не любил больше чудес. От чуда ждали ответа. От охотника за чудесами — такого ответа, после которого никому не станет стыдно за прежний страх.

Он поднял корзину и протиснулся вперёд. Данила ухватил его за рукав.

— Скажи им.

— Что?

— Что это обман.

— Я ещё не трогал её.

— Ты издали видишь.

— Издали я вижу тебя, Данила. Это не делает тебя обманом.

Люди засмеялись неуверенно. Данила отпустил рукав.

Савватий остановился в шаге от прилавка и посмотрел на Дану.

— Чья вещь?

— Не моя.

— На твоём столе.

— Утром была в сети. В моей, это правда. Я вытащила её у третьей сваи, принесла сюда, чтобы показать цеховым. Пока за мальчишкой посылала, она заговорила.

— Кто был рядом?

Дана обвела площадь взглядом. Руки она всё ещё держала на виду.

— Половина этих дармоедов. Первой назвала Марфу Коть. Сказала, что та разбавляет светильное масло. Марфа убежала. Потом лодочника Треньку — у него якобы чужая сеть. Теперь Данилу.

— Всё правда, — громко сообщил голос из толпы.

— Выйди и повтори по одному, — сказал Савватий.

Никто не вышел.

Он снял перчатки. Воздух пах солью, рыбой и дегтём, но рядом с раковиной к запахам примешивался тёплый воск. Слабый, почти скрытый дымом коптитен. Савватий не стал наклоняться сразу. Сперва обошёл прилавок, присел, провёл ладонью под досками. Нитей не было. На козлах — свежих отверстий тоже. Поднялся и осмотрел верёвки над головой.

— Если я трону, она не умрёт? — спросил он.

Дана сердито втянула носом воздух.

— Откуда мне знать?

— Тогда реши. Ты нашла вещь. Либо разрешаешь испытание, либо зовёшь цех и принимаешь его решение.

При слове «цех» несколько человек зашевелились. Чудотворцы брали за испытание серебряную чешуйку, а за заверенное чудо — долю будущей прибыли. Дана торговала скупой и считала быстро.

— Испытывай, — сказала она. — Только не разбей.

Савватий поставил на прилавок маленькую дощечку и раскрыл тетрадь.

— Свидетели находки?

Назвались трое: старик, чинивший корзины; девочка с угольным ведром; рыбак с багром. Савватий записал имена и попросил каждого отдельно показать место у третьей сваи. Старик указал на северный край настила. Девочка — на южный. Рыбак задумался, посмотрел на Дану и выбрал середину.

— Это зачем? — спросила Дана.

— Чтобы узнать, что именно вы видели.

— Мы видели раковину.

— Вы видели, как ты несла её от воды. Это другое.

Недовольный гул прошёл по площади. Савватий закрыл тетрадь. Он знал этот гул: люди принимали осторожность за обвинение, пока осторожность не спасала им деньги.

— Первая проба — вес, — объявил он. — Большой морской рожок такого размера весит от четырёх до шести малых гирь, если пуст и высушен. Мокрый — больше. Если внутри спрятано железо или второе дно, узнаем по лишнему весу.

Он вынул складные весы и собрал треногу. Данила помогал слишком охотно, словно каждая застёгнутая цепочка уже доказывала его невиновность. Савватий подвесил раковину в полотняной петле. Стрелка качнулась и остановилась между шестью и семью делениями.

— Мокрая, — напомнила Дана.

— Потому пока ничего не доказано.

— А говорили, ты сразу видишь, — бросил кто-то.

— Кто говорил, с того и спросите плату.

Савватий снял раковину. На полотне осталось влажное пятно, но вода не стекала из раструба. Он наклонил рожок отверстием вниз. Упала одна тяжёлая капля, затем другая. Третья повисла на кромке и не сорвалась.

Вода была гуще морской.

Он коснулся её мизинцем, растёр между пальцами. Кожа стала липкой.

— Рыбий клей, — сказал корзинщик.

Савватий кивнул.

— Или отвар пузырей. Им укрепляют бумагу и тонкий воск.

Дана отступила от своего прилавка.

— Я её не мазала.

— Я не спрашивал, кто мазал.

Он поставил раковину на сложенную сеть раструбом к толпе. Вторая проба была отражением. Савватий вынул две пластины: обычное полированное стекло и тусклое серебряное зеркало. Первой поймал дневной свет и медленно повёл пятном по виткам. Неровности давали серые тени. У основания третьего витка тень оборвалась слишком прямой линией.

Савватий сменил угол. На миг под белой кромкой блеснуло жёлтое.

— Воск, — сказал Данила.

— Возможно.

— Да сколько тебе ещё возможно? Разламывай!

— Вещь не твоя.

— Она называет меня вором.

— Долг — не воровство. Пока.

Данила снова надел шапку и натянул её до бровей.

Савватий поднёс серебряное зеркало к раструбу. В глубине появилась белая дуга, затем чёрное пятно. Он повернул пластину, поймал другой кусок неба. Чёрное пятно не двигалось вместе с тенью. Что-то закрывало ход на глубине ладони.

— Внутри перегородка, — сказал он. — Тонкая. Поставлена недавно.

Толпа подалась ближе. Прилавок скрипнул под чужими локтями, и Дана рывкнула, чтобы не давили рыбу.

— Вторая проба показывает вмешательство, — продолжил Савватий. — Не показывает, зачем оно сделано. Иногда трещину закрывают, чтобы рожок звучал ниже.

— Она не звучит, — сказала девочка с угольным ведром. — Она говорит.

— Люди тоже говорят, потому что внутри у них есть перегородки.

На этот раз никто не засмеялся.

Третьей шла соль. Савватий разложил на дощечке две щепоти: серую, набранную у свай, и белую, высушенную дома на железном листе. Серую прижал к влажному боку раковины.

Крупинки потемнели, слиплись и остались на месте. Чистую соль он насыпал у жёлтой линии. Несколько зёрен поползли, будто их тянуло внутрь, и исчезли под кромкой.

Дана выругалась шёпотом.

— Там тепло, — объяснил Савватий. — Не живое тепло. Воск размягчён, хотя утро холодное.

— Значит, чудо, — сказал рыбак с багром. — Само себя греет.

— Или его недавно нагрели.

— В воде?

— Мы пока не знаем, была ли раковина в воде.

Рыбак нахмурился, словно Савватий отнял у него воспоминание. Старик-корзинщик тихо отошёл назад. Девочка осталась и смотрела на белую соль.

Савватий попросил у Даны нож. Она протянула узкий филейный клинок рукоятью вперёд.

— Только кромку, — предупредила она.

Он ввёл остриё под жёлтую линию. Воск поддался легко. Раковина издала низкий вздох, и люди шарахнулись. Савватий замер, удерживая нож неподвижно.

— Данила Шорох, — сказала раковина тише прежнего. — Три меры за прошлую осень.

Теперь голос шёл не из глубины. Он дрожал прямо под ножом.

Савватий вынул клинок, вытер его о край дощечки и понюхал. Пахло воском, клеем и ещё чем-то сладким, травяным. Так пахли маленькие говорильные мембраны, которыми цеховые кукольники снабжали ярмарочных зверей. На тонкий воск заранее наносили борозды голоса. Когда тёплый воздух проходил вдоль борозд, мембрана повторяла записанные слова. Обычно хватало на пять-шесть фраз, потом воск коробился.

Но воздуху всё равно требовалось откуда-то взяться.

Савватий осмотрел основание рожка. Естественные наросты, известковая корка, тёмное пятно водоросли. В одном углублении сидела жемчужная крупинка. Он поддел её ногтем. Под крупинкой открылось отверстие не толще рыбьей кости.

— Нужна кружка горячей воды, — сказал он.

Дана не двинулась.

Девочка поставила угольное ведро и побежала к чайному котлу. Вернулась с жестяной кружкой, расплескав половину на фартук. Савватий опустил в воду ложку, подождал, затем приложил тёплый металл к основанию раковины. Воздух внутри расширился.

— Марфа Коть, — послушно произнесла мембрана. — Масло водой разводит.

Толпа загудела.

Савватий переставил ложку.

— Тренька Лобан, — сказала раковина. — Сеть чужая под третьим настилом.

Ещё раз.

— Данила Шорох. Три меры за прошлую осень.

Данила победно поднял обе руки.

— Вот! Машинка!

— Машинка, — согласился Савватий.

— Значит, долга нет.

— Машинка ничего не доказывает ни о долге, ни о его отсутствии.

Данила опустил руки.

— Ты за кого вообще?

— Сейчас — за правильный вопрос.

Савватий попросил девочку снова нагреть ложку. Ему хотелось услышать все борозды по порядку, пока воск не остыл окончательно. Первые три обвинения были простыми: о них

судачили на рынке. Изготовителю не требовалось ни тайного знания, ни духа. Он выбрал то, чему люди поверят охотно.

Четвёртая фраза могла назвать следующего торговца. Или велеть отнести раковину в цех. Савватий приложил ложку ниже, туда, где виток сужался.

Сначала раздался треск. Потом чужой вдох.

— Испытатель придёт с западного прохода, — произнесла раковина.

Никто не шевельнулся.

Савватий посмотрел через плечо. На площадь вели три прохода. Он вошёл с западного, потому что мост у коптилен с утра перекрыли телегой. Об этом могли знать те, кто видел его пять минут назад. Но мембрану приклеили не пять минут назад. Рыбий клей успел схватиться, а воск — остыть.

Девочка держала кружку обеими руками. По жестяному краю стучали её ногти.

— Дальше, — сказала она.

Савватий нагрел ложку заново. Теперь он чувствовал взгляды не на своих руках, а на затылке. Кто-то из собравшихся знал продолжение. Возможно, стоял достаточно близко, чтобы видеть отверстие под жемчужной крупинкой. Возможно, ждал, когда нужная фраза заставит толпу сделать нужный вывод.

Он приложил металл к последнему витку.

Раковина заговорила голосом молодого мужчины. Савватий слышал его раньше на цеховых освидетельствованиях: Мирон Клевец, переписчик Луки Ставения, читал вслух заключения, когда старший не хотел тратить голос.

— Савватий Рун, — сказала раковина отчётливо. — Годен принять чужое имя.

Дана Лещ отшатнулась и опрокинула лоток с мойвой. Серебряные рыбёшки посыпались на доски. Никто не нагнулся их собирать.

Савватий убрал ложку.

Воск внутри тихо потрескивал, остывая. Это был обычный звук обычного материала. От него стало хуже.

— Что значит «принять чужое имя»? — спросил Данила уже без торжества.

— Пока ничего, — ответил Савватий.

Он соврал. Фраза была построена как выдержка из цехового заключения: имя, затем пригодность, затем назначение. Так описывали материал для маячных зеркал, дерево для свай, металл для колоколов. Людей так не описывали. По крайней мере, не на открытых листах.

Савватий перевернул раковину и увидел на нижнем витке три короткие царапины. Не случайные следы сети: знак цеховой мастерской, где изделие принимали перед заверением. Средняя черта была перечёркнута едва заметным крючком. Личный знак старшего.

Он не стал произносить имя Луки перед толпой.

— Дана, заверни раковину в сухую ткань. Не грей, не мочи и никому не отдавай без расписки.

— А цеховым?

— Особенно цеховым.

Люди снова заговорили, сначала вполголоса, потом громче. Данила требовал немедленно найти Марфу и Треньку, потому что раз обвинения поддельные, то и молчать им незачем. Рыбак с багром спорил, что вещь всё равно достали из моря. Старик-корзинщик уверял, будто с самого начала заметил клей. Каждый спешил занять место в новой версии события.

Савватий записал четыре фразы дословно. Рядом отметил запах воска, отверстие, жемчужную заглушку и знак мастерской. Чернила расплывались на сырой бумаге. Над последней строкой он задержал перо.

«Испытатель придёт с западного прохода».

Если раковину приготовили ночью, изготовитель заранее знал не только о его появлении, но и о закрытой дороге у коптилен. Телегу опрокинули на рассвете. Значит, либо мембрану вставили позже, чем утверждала Дана, либо дорогу закрыли намеренно, чтобы провести Савватия нужным путём.

Он поднял голову к крышам вокруг площади. На соляной башне качнулась белая пола плаща и исчезла за парапетом.

Савватий захлопнул тетрадь.

— Куда ты? — спросила Дана.

— Проверять дорогу.

— А раковина?

— Раковина уже сказала всё, что в неё положили.

Он взял корзину и пошёл к западному проходу. Толпа расступилась, не касаясь его. Ещё утром это показалось бы обычной осторожностью рядом с человеком, который портит выгодные чудеса. Теперь каждый смотрел на него так, словно хотел запомнить лицо прежде, чем оно перестанет принадлежать имени.

У выхода Савватий оглянулся. Девочка с угольным ведром собирала мойву и складывала обратно на лоток. Дана заворачивала раковину в мешковину. На мгновение белый виток показался из ткани, похожий на костяшку огромного пальца.

Кто-то подготовил обвинения для троих рыночных плутов, чтобы первые слова звучали правдоподобно. Кто-то направил Савватия на площадь и записал его имя заранее. Кто-то хотел, чтобы сотня свидетелей услышала не просто предсказание, а заключение: он годен.

Самым неприятным было не то, что за ним следили.

Самым неприятным было слово «принять».

Оно означало, что следующего чуда от него ждали не как от охотника.

Глава 2. Белые Сваи

Телега у коптилен лежала на боку так аккуратно, что Савватий сперва решил: её опрокинули не в спешке, а по чертежу.

Обычно телеги падали некрасиво. Одна оглобля задиралась, другая уходила под брюхо; колесо ещё долго вертелось; из кузова высыпалось всё, что хозяин поленился привязать. Эта перегородила проход поперёк, от стены соляного склада до канавы. Оба колеса смотрели в серое небо. Пустые корзины были сложены рядом стопкой, словно хозяин прежде снял их, а уже потом взялся за ось.

От рыбного торга за Савватием тянулось человек восемь. Данила Шорох шёл первым и всем встречным сообщал, что говорящая раковина оказалась машинкой. Девочка с угольным ведром держалась чуть позади. Дана Лещ осталась охранять находку, но прислала вместо себя племянника — долговязого мальчишку в сапогах на два размера больше.

Савватий поставил корзину на сухой камень.

— Кто видел, как она упала?

Люди оглянулись друг на друга. Коптильни уже работали, из дверей тянулся синий дым. Возле ближайшей стены женщина нанизывала салаку на прутья. Она не поднимала головы, но руки у неё замедлились.

— Тётка Рада была здесь, — сказал Данила. — Она всё видит.

— Я вижу рыбу, — отозвалась женщина. — За неё мне платят.

Савватий подошёл, не переступая через разложенные прутья.

— Во сколько загородили проход?

— Не знаю.

— Когда пришли, он был свободен?

Рада сняла с верёвки следующую рыбину.

— Был.

— Значит, знаете больше, чем минуту назад.

Она посмотрела на него. На нижнем веке у неё белела старая отметина от крючка.

— До первого колокола проехал воз с торфом. После первого уже лежала эта дрянь.

— Колесо сломалось?

— Если бы сломалось, хозяин орал бы.

— Хозяина видели?

— Белый плащ видела. Больше ничего.

Люди за спиной Савватия притихли. Он не обернулся. Белые плащи носили цеховые служители, сборщики туманной дани и несколько богатых торговцев, которым нравилось, что прохожие уступают дорогу. На мокром берегу белая шерсть становилась серой за неделю, но цех умел отбеливать ткань толчёной раковиной.

— Плащ был чистый?

Рада задумалась и кивнула.

— По подолу. А плечо в саже.

Савватий записал ответ. Не имя, не лицо, не рост — пятно сажки. Свидетель редко запоминал то, о чём его спрашивали позднее. Зато ненужная подробность иногда держалась крепче клятвы.

Он вернулся к телеге. Ось была цела. Чека из левого колеса лежала в канаве, но грязь вокруг неё оставалась гладкой. Если бы железку выбило при падении, она прорезала бы борозду. Её положили рукой.

На оглобле темнел свежий след верёвки. Савватий провёл ногтем по смятому волокну. Тянули со стороны соляной башни, пока телега не встала поперёк прохода. Потом верёвку

сняли. Под ободом правого колеса лежал клинышек, не дававший кузову качнуться и освободить край дороги.

— Сама упала, — сказал Данила с преувеличенной серьёзностью.

— С помощью четырёх рук и одной верёвки.

— Зачем?

Савватий выпрямился. Западный проход выводил прямо к рыбному торгу. Если идти от его дома обычной дорогой вдоль коптилен, эта телега заставляла свернуть к площади с западной стороны. Раковина предсказала именно этот путь.

— Чтобы я пришёл туда, откуда мне велели прийти.

Данила перестал улыбаться.

— Значит, и меня туда велели?

— Тебя привела толпа.

— А толпу?

Хороший вопрос прозвучал из его рта почти обидно. Савватий записал и его.

Белые Сваи не имели стены. От моря их отделяли три ряда выбеленных известью брёвен, вбитых в мелководье. На сваях держались настилы, рыбные мостки, сушильни, лодочные сараи и половина домов нижней слободы. Другая половина цеплялась за склон, взбираясь к маяку уступами. Во время отлива между брёвнами проступало чёрное дно. Во время прилива казалось, будто вся слобода стоит прямо на воде и может уплыть, если перерубить достаточно канатов.

Люди называли белизну защитой от гнили. Это было правдой, но не всей. Раз в месяц известь смешивали с солью, рыбьим жиром и горстью серого песка, вынутого из-под туманного камня. Смесью красили наружный ряд свай. Так слобода платила дань тому, что жило за молом: не монетой и не кровью, а работой, запахом и постоянно возобновляемой границей.

Сегодня был день дани. На дальнем настиле уже стояли вёдра. Работники в коротких куртках спускали к воде широкие кисти на шестах. Каждый мазок оставлял на мокром дереве полосу, белую, как кость.

Туман держался за молом ровной стеной. Ветер шёл к берегу, трепал флаги над складами, гнал дым из труб, но серое полотно не приближалось и не отступало. Оно ждало.

Племянник Даны перекрестил пальцы, как делали дети, когда смотрели на дальнюю воду.

— Не надо, — сказал Савватий.

Мальчик спрятал руку.

— Почему?

— Если знак помогает, надо знать чем. Если не помогает, незачем приучать пальцы бояться.

— А дань помогает?

— Сваи после неё меньше гниют. Это я проверял. Туман не входит в гавань в день побелки. Это видели многие. Что из двух покупает нам спокойную воду, а что просто полезная работа, я не знаю.

— Значит, дань тоже фальшивая?

— Неизвестное — не то же самое, что фальшивое.

Савватий поднял корзину. В ней звякнули гири и зеркальные пластины. Он слишком часто произносил эту разницу и всё равно каждый раз видел одинаковое разочарование. Людям хотелось двух ящиков: чудо и обман. В действительности на его столе всегда стояли четыре: природное, сделанное руками, подлинно необъяснённое и подделка. Самым опасным был не последний, а третий. Туда складывали всё, что не успели понять, а потом кто-нибудь назначал за содержимое цену.

Он попросил Данилу и мальчишку поднять телегу. Сам придержал оглобли. Клины вынули, кузов качнулся, колёса шлёпнулись в грязь. Телега оказалась лёгкой. На внутренней

стороне борта Савватий заметил белую пыль. Собрал её на кончик ножа и растёр между пальцами. Обычная толчёная известь, крупная, с песком. Не та гладкая жемчужная крупинка, которой закрыли отверстие в раковине.

Под телегой обнаружился обрывок плетёного шнура. Такие делали в мастерской грузовых сетей, вплетая одну синюю нить через три серых. Савватий завернул находку в бумагу.

— Теперь к третьей свае, — сказал он.

— Зачем? — спросил Данила. — Мы же знаем, что раковину сделали цеховые.

— Мы знаем, что на ней цеховой знак и голос цехового переписчика. Сделать, подбросить и найти — три разных действия.

— Какая разница, кто нашёл, если она всё равно врёт?

— Такая, что лжец мог вложить в неё правду.

Данила нахмурился. Марфа Коть, разводившая масло водой, и Тренька Лобан с чужой сетью внезапно снова стали частью дела.

К третьей свае вели два настила. Северный начинался у корзинщиков, южный — за угольным навесом. Между ними тянулся узкий мостик, где двое не расходились, не повернувшись боком. Дана утверждала, что нашла раковину на нижней перекладине после отлива. Стрик-корзинщик показывал северный край. Девочка — южный. Рыбак с багром выбрал середину, откуда нижнюю перекладину вообще не было видно.

Савватий остановился у спуска. Вода уже поднималась и билась о брёвна коротко, без брызг. Известковая побелка заканчивалась на ладонь выше нынешнего уровня. Ниже дерево было чёрным и скользким.

— Покажи, где стояла Дана, — сказал он мальчику.

Тот уверенно прошёл на южный настил и указал вниз.

— Здесь. Она велела держать корзину, а сама полезла.

— Какую корзину?

— Для камбалы.

— Пустую?

— С двумя рыбинами. Потом уже набрали.

Савватий присел. На поперечине виднелся свежий соскоб, будто по мокрому дереву протаскивали твёрдый ребристый предмет. Но начинался след не у воды. Он шёл от настила вниз и заканчивался возле места, где якобы застряла раковина.

— Она была в воде? — спросил Савватий.

— Мокрая была.

— Это не ответ.

Мальчик переступил с ноги на ногу.

— Я не видел, пока тётка не крикнула.

Девочка с угольным ведром поставила свою ногу.

— Я видела раньше.

Все повернулись к ней.

— Как тебя зовут? — спросил Савватий.

— Улька Жар.

— Раньше чего, Улька?

— Раньше, чем Дана полезла. Раковина лежала в корзине. Белая. Я подумала, она её продавать будет. Потом корзина упала, Дана заругалась, а после закричала, что море принесло чудо.

Племянник Даны покраснел.

— Врёшь.

— Сам врёшь. Ты корзину уронил.

— Не ронял!

— Значит, тётка.

Савватий поднял ладонь. Дети замолчали, но продолжали спорить глазами.

— Где стояла корзина?

Улька показала на северный край. Там настил расширился вокруг сваи. В щели застряла серебряная чешуя, а на доске белел полукруглый след.

Савватий достал из кармана лист, на котором утром обвёл основание раковины. Приложил бумагу к пятну. Размер совпал.

— Дана не говорила, откуда у неё корзина? — спросил он.

Мальчик опустил голову.

— У двери стояла, когда мы пришли. Нам заказали раннее место. Хорошее, у прохода.

— Кто заказал?

— Записка была под ручкой.

— С платой?

— С медной четвертью.

— Записка осталась?

— Тётка ею селёдку завернула.

Данила хмыкнул. Савватий промолчал. Половина улик в Белых Сваях кончала под рыбой, другая — в печи. Поэтому он предпочитал предметы воспоминаниям, а воспоминания записывал прежде, чем человек успевал сделать их красивее.

На северном настиле обнаружился ещё один след: несколько блестящих крупинок в смоле между досками. Савватий вынул иглу, подцепил одну и положил на чёрную ткань. Крупинка была плоской, прозрачной по краю и отливала розовым.

— Жемчуг? — спросила Улька.

— Перламутр. Толчёная внутренняя стенка раковины.

— Та самая, которой дырку заткнули?

— Похожа. Но похожее ещё не значит то же самое.

Он собрал три крупинки в бумажный сгиб. След мог остаться от самой раковины. Мог — от рук человека, который её нёс. Чтобы связать находки, требовалось сравнение: размер помолы, цвет, примеси. Для рынка этого было мало. Для направления — достаточно.

Савватий попросил каждого снова, отдельно, пройти путь Даны от прихода до крика. Мальчик повёл его от южной лестницы. Улька — от двери рыбного склада. Корзинщик, которого привели с площади, уверял, что Дана вышла с северного настила. Три пути сходились только у расширения возле сваи.

Рыбак с багром исчез.

— Как его зовут? — спросил Савватий.

Никто не знал.

На торгу он назвался свидетелем, но своего имени не произнёс. Савватий сам допустил ошибку: записал троих после общего вопроса, а имя рыбака оставил на потом. Теперь в тетради рядом с «багор» пустовало место.

Он почувствовал злость — ясную, полезную, направленную не на беглеца, а на собственную торопливость. Четвёртая проба, свидетельство, была самой дешёвой и самой дорогой одновременно. Для неё не нужны были ни гири, ни зеркало, ни чистая соль. Только люди. Именно поэтому ею пользовались хуже всего.

— Так в чём четыре пробы? — спросила Улька. — Все про них говорят, а никто одинаково не объясняет.

Савватий сел на перевёрнутое ведро. Прилив закрывал нижнюю перекладину. За белыми сваями туман всё ещё ждал, не переходя невидимой черты.

— Вес отвечает, есть ли в вещи то, чего там быть не должно, — сказал он. — Иногда лишнее железо, иногда двойное дно, иногда вода. Но тяжёлая вещь не обязана быть поддель-

ной. Отражение показывает швы, перегородки и то, как предмет ведёт себя при разном свете. Но зеркало может обмануть, если обманывают само зеркало. Соль тянет влагу, чувствует тепло и проявляет некоторые следы. Но соль бывает грязной. Свидетели рассказывают, что случилось до того, как мы пришли. Но человек может ошибиться, испугаться или повторить чужие слова.

— Тогда ни одна не годится, — сказал племянник Даны.

— По одной — часто не годится. Вместе они заставляют ложь работать в четырёх местах сразу. Это дороже и труднее.

— А сегодня ложь сработала?

Савватий посмотрел на полукруглый след от раковины.

— Сегодня кто-то заплатил эту цену.

Над слободой ударил маячный колокол. Один раз, пауза, два коротких. Сигнал предназначался не лодкам. Аглая вызывала мастера с зеркалами.

Савватий поднялся.

— Мне пора наверх.

— А рыбак? — спросил Данила.

— Найди его.

— Я?

— Ты хотел узнать, куда привели толпу. Начни с того, кто привёл себя свидетелем без имени.

— А если он цеховой?

— Тогда не хватай. Узнай, куда пойдёт.

Данила хотел возразить, но заметил, что остальные смотрят на него уже не как на должника из раковины. Он поправил шапку и расправил плечи.

— Найду.

Савватий оставил ему описание: серый рукав, просмолённый багор, медная накладка на левом сапоге. Потом пошёл к маяку.

Улицы Белых Свай поднимались уступами. Нижние дома пахли солью и рыбой, средние — мокрой верёвкой, смолой и хлебом, верхние — известью от зеркальных мастерских. Вода была видна почти из каждого переулка. Даже там, где её заслоняли крыши, море выдавало себя движением света на стенах.

Савватий миновал дом сборщика дани. У двери стояли семь вёдер, на каждом было выведено имя улицы. Жители приносили не одинаковую меру: рыбаки — жир, солевары — соль, мастерские — известь, те, у кого ничего не было, выходили белить сваи. Над косяком висела коственная дощечка с зарубками. Ни одной строки о том, кому именно платили.

В детстве Савватий спросил мать, почему договор не выставят на площади, если он защищает всех. Мать велела ему не произносить слово «договор» возле воды. Аглая тогда засмеялась, а ночью закрыла ставни, хотя было душно. Он помнил это лучше самого ответа.

На середине склона кто-то окликнул:

— Рун!

Он обернулся. Звала торговка фитилями, но смотрела не на него, а на старика у бочки. Старик поднял руку. Савватий пошёл дальше, сердясь на себя за короткий холод под рёбрами.

Раковина сказала не «лишится имени». Она сказала «годен принять чужое имя». Данила истолковал это как угрозу, толпа — как приговор, а сам Савватий пока не имел права ни на одно. Слова в говорильной мембране принадлежали человеку. Следовало найти человека прежде, чем спорить с их смыслом.

Маяк стоял не на отдельной башне, а вырос из старого каменного дома. Нижние этажи занимали склад масла и мастерская. Выше шла винтовая лестница, вытертая тысячами шагов. На площадке перед дверью сидел мальчик-голец Аглаи и дул на ободранную ладонь.

— Упал? — спросил Савватий.

- Нет. Спускался быстро.
- Поэтому и упал.
- Аглая сказала привести тебя быстро.
- Привёл.

Он дал мальчику чистую тряпицу и вошёл.

Внутри пахло горячим маслом и медью. Лестничные окна делали полный круг вокруг башни, и на каждом лежал свой оттенок дня: со стороны моря — холодный зелёный, со стороны слободы — дымный жёлтый. Выше слышался скребок. Аглая чистила оправу главного зеркала и ругалась вполголоса.

Она была старше Савватия на четыре года и никогда не позволяла маяку выглядеть старше себя. Волосы убраны под синий платок, рукава закатаны, на щеке полоса сажи. В одной руке — деревянный скребок, в другой — лампа с прикрытым фитилём.

- Ты долго, — сказала она.
- От рынка до башни всё ещё столько же улиц.
- Рынок сегодня разговаривает раковинами. Можно было торопиться.

Он поставил корзину.

- Уже знаешь?

— Половина слободы знает. Вторая половина придумала продолжение. По одному рассказу ты разбил чудо молотком, по другому — раковина назвала тебя будущим старшим цеха.

- Молоток жалко.

Аглая улыбнулась краем рта, но сразу стала серьёзной.

- Она правда сказала твоё имя?

- Да.

- И что ты годеи?

- Принять чужое имя.

Скребок в её пальцах перестал двигаться.

- Чей голос?

- Мирона Клевца.

- Он мог читать, не зная для чего.

- Мог.

Аглая отвернулась к зеркалу. На миг Савватию показалось, что она выдохнула с облегчением. Не потому, что Мирон был невиновен. Потому что голос принадлежал не кому-то другому.

- Зачем звала? — спросил он.
- Вчера после вечернего огня лодка Косиных вошла в гавань по двум маякам.
- Они были пьяны?
- Только кормчий. Остальные видели то же.

Она распахнула наружную ставню. Внизу лежала гавань: мол, три ряда белых свай, тёмные крыши, сети на шестах. За входом в бухту серела вода. Настоящий маячный огонь днём не горел, но его зеркало ловило солнце и посылало на море узкий белый блик.

— Второй появился левее, — сказала Аглая. — Сначала слабый. Потом сравнялся с нашим. Кормчий взял между ними и едва не сел на Каменный Зуб.

- Сегодня видела?

- На рассвете. Без огня. Просто отражение, будто там поставили ещё одно зеркало.

- Где именно?

Аглая указала на группу старых свай за масляным причалом. Там когда-то стоял малый сигнальный настил. После зимнего шторма его разобрали, оставив две поперечины над водой.

Савватий достал обычное стекло и поймал главный блик. Белое пятно легло на внутреннюю ставню.

— Закрой лампу.

— Она почти закрыта.

— Почти — это слово для трактирного счёта.

Аглая опустила заслонку до конца. Комната потемнела. Савватий поставил стекло на край рамы и медленно менял угол. Главный блик двигался послушно. Второго не было.

— Солнце выше, — сказала Аглая. — Он появляется утром и перед закатом.

— Значит, отражатель неподвижен или движется предсказуемо.

— Вода тоже движется предсказуемо, пока не решит иначе.

Он сменил стекло на серебряную пластину. В ней дальние сваи стали резче. На одной поперечине что-то блеснуло тонкой линией и пропало.

— Там.

Аглая приложила ладонь козырьком.

— Ничего.

— Потому что смотришь прямо.

Савватий передал ей пластину и повернул за запястье чуть левее. Серебро поймало полоску света.

— Вижу, — сказала она. — Стекло?

— Или слюда. Спустимся.

— Прилив.

— Тем лучше. Если вещь ставили только на отливе, сейчас её не должно быть.

Они вышли через служебную дверь к верхнему настилу. Аглая взяла багор и моток страховочной верёвки. Савватий не просил: с сестрой было удобно работать именно потому, что она считала осторожность инструментом, а не проявлением трусости.

До старых свай добрались по узкой ремонтной дорожке. Вода уже скрыла нижние крепления и толкалась снизу в доски. Туман за молом казался ближе, хотя белильщики ещё не закончили наружный ряд.

На поперечине лежала тонкая зеркальная пластина длиной в локоть. Снизу её удерживали два медных зажима. К верхнему краю крепился поплавок на короткой нити: прилив поднимал его, пластина меняла наклон и в определённый час бросала отражение в море. Простая вещь. Достаточно точная, чтобы лодка увидела второй путь.

— Снять? — спросила Аглая.

— Сначала посмотреть, кто хотел, чтобы мы нашли.

Он обследовал доски. Следы сапог смыло брызгами. На меди не было клейма. В узле использовали обычную рыбацкую петлю. Изготовитель убрал всё, что могло назвать мастерскую.

Но у верхнего зажима белела паста. Савватий коснулся её иглой. На чёрной ткани осталась плоская крупинка с розовым краем.

Аглая увидела и выругалась тихо.

— Что?

Савватий развернул бумажный сгиб с настила у третьей сваи. Рядом положил новую крупинку. Обе были одинаково тонки, одинаково переливались от молочного к розовому. В обеих попадались едва заметные чёрные точки — толчённый уголь, которым мастера убирали лишний блеск из перламутровой замазки.

— Этим же составом закрыли воздушное отверстие раковины, — сказал он. — И просыпали возле корзины Даны.

— Цеховая замазка?

— Такой пользуются многие. Но помол мелкий, для зеркальных швов. На раковину он попал не случайно.

Аглая посмотрела на второй маяк, потом на главный, высоко над ними.

— Раковина говорит, куда тебя назначили. Это зеркало показывает лодкам путь, которого нет. Что общего?

— Пока только руки изготовителя.

— Ты сам себе не веришь.

Савватий снял пластину с зажимов. На обратной стороне обнаружилась процарапанная дуга и три деления. Угол был рассчитан для света главного маяка, а не для солнца. Вечером ложный блик рождался не сам: кто-то направлял настоящий огонь сюда.

— Общее есть, — признал он. — И раковина, и этот отражатель заставляют подделку говорить голосом настоящей вещи. Там использовали долги, о которых уже судачили. Здесь — наш огонь. Ложь не придумывают целиком. Ей дают опереться на то, чему люди доверяют.

— На тебя тоже опёрлись?

Вода ударила в сваю. Верёвка натянулась у Савватия на поясе.

Он посмотрел на сестру. Аглая ждала ответа слишком неподвижно.

— Сегодня — да.

— Тогда перестань ходить один.

— Ты вызвалась?

— Я потребовала.

Савватий убрал обе пробы перламутра в отдельные сгибы и надписал место и час. Зеркальную пластину завернул в куртку. Оставался вопрос, который Аглая задала первой и который он пока обходил: зачем кому-то одновременно готовить знамение о его пригодности и ложный маячный путь?

С моря донёсся колокол. Не маячный — маленький ручной, которым белильщики отмечали законченную сваю. Один удар, второй, третий. Белая полоса продвигалась вдоль гавани.

За молом туман дрогнул.

Не двинулся к берегу, не рассеялся. Просто на миг стал тоньше. В серой глубине проступило что-то похожее на человеческую фигуру, слишком высокую для воды между камнями. Аглая сжала багор.

Савватий успел поднять серебряную пластину, но отражение показало только пустой вход в гавань.

— Видел? — спросила она.

— Видел форму.

— Человека?

— Форму.

Он заставил себя записать именно это.

Когда они вернулись на ремонтную дорожку, солнце вышло из-за облака. Главный маяк блеснул над слободой. Без снятой пластины второго огня не появилось.

Савватий оглянулся на старые сваи. На месте зажима осталась белая точка, маленькая, как крупинка соли.

Утром кто-то вложил его имя в раковину. Накануне тот же человек или тот же мастерский состав помог морю показать несуществующий путь. Две подделки были рассчитаны не на дураков. Они были рассчитаны на осторожных людей: рыбаков, доверявших настоящему маяку, и охотника, доверявшего следам.

Значит, следующим следом ему могли оставить именно то, что он надеялся найти.

Савватий спрятал бумажные сгибы глубже в корзину.

Теперь проверять требовалось не только чудеса.

Теперь требовалось проверять улики.

Глава 3. Второй маяк

К вечеру зеркало лежало на верстаке Аглаи, прижатое четырьмя мешочками с песком.

Вынутое из оправы, оно выглядело беднее своей проделки. Узкая стеклянная полоса, серебрение с обратной стороны, два медных зажима и поплавков из просмоленной пробки. Ни тайных знаков, ни движущихся частей. Даже расчётные деления на обороте можно было принять за царапины небрежного мастера.

Савватий предпочитал такие подделки. Чем проще устройство, тем меньше мест, где объяснение могло спрятаться за красивым словом.

Аглая закрыла ставни мастерской и зажгла главный фитиль в малой учебной лампе. Настоящий маячный огонь наверху нельзя было крутить ради опыта: после сумерек он принадлежал лодкам. Учебная лампа давала тот же цвет, но была в десять раз слабее.

— Если не хватит света? — спросила она.

— Нам нужна линия, а не дальность.

Савватий натянул от лампы к противоположной стене чёрную нить. На стене мелом отметил положение главного блика. Потом поставил изъятую пластину на деревянную раму, которую Аглая собрала из обрезков оконной решётки.

— Угол вчерашнего прилива? — спросил он.

— Чуть выше третьей риски.

— Почему уверена?

— Вчера вода дошла до железного кольца на старой свае. Кольцо на три пальца ниже доски. Поплавок поднялся бы на ладонь. Я здесь работаю, Савва.

Он посмотрел на неё.

— Не называй меня так при других.

Аглая не спросила почему.

— Хорошо.

Она выставила пластину. Первый луч ударил в потолок. Аглая опустила раму на толщину ногтя. Свет скользнул по стене, пересёк меловую точку настоящего огня и лёг левее — слабым вытянутым пятном.

Два маяка.

Даже в закрытой комнате зрение поддавалось уловке. Яркая точка казалась устойчивой и знакомой; вторая дрожала, будто отражалась от воды, но держалась отдельно. Если смотреть несколько ударов сердца, между ними возникал тёмный проход. Туда и направил лодку кормчий Косиных.

— Подвинь поплавок, — сказал Савватий.

Аглая подняла пробку в миске с водой. Нить натянулась, пластина качнулась. Ложный огонь сошёл вниз и погас. Она долила воды из кувшина. Поплавок поднялся выше, и блик вернулся уже правее настоящего.

— Вход работает только при определённой высоте прилива, — сказала она.

— И при определённом положении главного зеркала.

— Наше зеркало поворачивается по часам. Любой маячный ученик знает отметки.

— Любой мастер знает. Ученику необязательно знать угол к старым сваям.

Савватий измерил расстояние между бликами по стене, затем повторил опыт при трёх положениях поплавка. Аглая называла уровень воды, он записывал. На второй риске ложный огонь не существовал. Между третьей и четвёртой появлялся левее настоящего, у пятой пересекал его, у шестой уходил вправо.

Это объясняло рассказы рыбаков. Одни клялись, что два огня сходились. Другие — что расходились. Никто не лгал. Они входили в гавань в разные минуты прилива.

- Умно, — сказала Аглая.
- Опасно.
- Одно другому не мешает.

Она произнесла это без восхищения, но Савватий услышал уважение мастера к точной работе. Сам чувствовал то же и не любил себя за это. Хорошая подделка давала разуму радость, прежде чем совесть успевала сосчитать ущерб.

- Сколько нужно было опытов, чтобы выставить деления? — спросил он.

Аглая наклонилась к пластине.

- Если знать высоты прилива и поворот нашего зеркала — два вечера. Если не знать — неделю караулить с лодки.

- Кто имел доступ к журналу огня?

— Я. Двое сменных. Старший цеха. Переписчик, если приносил бумаги. Ремонтники в начале месяца.

- Мирон приходил?

- Вчера нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Савватий снял с рамы пластину и осмотрел края. Перламутровая замазка заполняла щель между стеклом и медью. Состав был свежим: игла входила без хруста. Утром он считал главным сходством одинаковый помол. Теперь важнее было другое. Замазка ещё не успела потемнеть от соли. Пластины собрали не больше трёх дней назад.

- А позавчера?

Аглая потёрла большим пальцем пятно сажи на щеке, только размазав его.

- Приходил.

- Зачем?

- Принёс распоряжение.

Савватий положил иглу.

- Какое?

- Сначала закончим опыт.

- Опыт закончен.

- Ты не проверил, можно ли получить второй огонь без прямого луча.

Он смотрел на неё, пока Аглая не отвернулась к лампе. Так она делала с детства, когда уже решила не говорить и хотела заменить молчание полезным делом. В двенадцать лет она разбила материнский кувшин и всю ночь чинила ставню, которую никто не просил чинить. К утру ставня закрывалась лучше прежнего, но кувшин от этого не становился целым.

Савватий поставил между лампой и пластиной лист жести. Ложный огонь исчез. Затем направил луч на главное учебное зеркало так, чтобы тот отразился в узкую пластину. Второй блик вернулся.

- Вот и всё, — сказал он. — На старых сваях пластина ловила свет главного маяка. Человек наверху мог видеть её?

- При чистом воздухе — серебряную точку. В тумане нет.

- Значит, устройство работает без сообщника наверху.

- Работает.

- Распоряжение.

Аглая сняла с гвоздя ключ. Не от шкафа с журналами: тот был железный, длинный. Этот — маленький, с медным зубцом. Она подошла к стене, вынула третий кирпич под полкой и открыла скрытую нишу.

- Ты завела тайник после того, как я уехал? — спросил Савватий.

- После того, как ты начал находить всё, что плохо лежит.

Из ниши она достала сложенный вчетверо лист. Бумага была цеховая, плотная, с водяным знаком в виде раковины. Аглая не отдала его, а развернула сама.

— «Смотрительнице северного огня Аглае Рун», — прочитала она. — «До обряда определения нового носителя не снимать с западных свай вспомогательное зеркало, установленное для проверки дальности. В журнал огня временный предмет не вносить во избежание неверного счёта постоянных отражателей». Дальше дата и знак старшего.

— Почему зеркало названо западным, если сваи к югу от башни?

— От воды они западнее входного створа.

— Я не про сторону. Почему в распоряжении не указан номер свай?

Аглая пожала плечами.

— Чтобы никто не нашёл по записи.

— Ты нашла.

— После того как лодка едва не разбилась.

Савватий протянул руку. На этот раз она отдала лист.

Подписью служили три вертикальные черты, средняя перечёркнута крючком. Тот же знак он видел на раковине. Но на цеховых распоряжениях личного знака было недостаточно. Рядом полагалась круглая печать мастерской и номер в реестре. Здесь печати не было. В левом углу, где переписчик ставил номер, бумага оставалась чистой.

— Мирон читал это вслух? — спросил Савватий.

— Нет. Оставил и ушёл.

— Ты видела, как он принёс?

— Он стоял здесь с листом в руке.

— Это не одно и то же.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— Всё по порядку.

Аглая закрыла нишу кирпичом. Потом села на край верстака, заложив ладони под колени, чтобы не тянуться снова к работе.

— После полудня я спустилась за маслом. Когда вернулась, Мирон ждал у двери. Сказал, что принёс распоряжение старшего. Я спросила, почему не через смотрительский ящик. Он ответил: срочное. Я прочла. Спросила, что за обряд. Он сказал, цех объявит на ярмарке. Потом попросил расписаться на обороте. Я расписалась.

Савватий перевернул лист. Под её именем стояла строка: «Получено без возражений». Почерк Аглаи, размашистый, с длинной нижней петлёй.

— Ты написала эти слова?

— Нет. Только имя.

— Они были раньше?

— Не помню.

— Тебе дали прочитать оборот?

— Я читала распоряжение.

— Оборот?

— Нет.

Савватий поднёс лист к лампе. Чернила в её подписи были тёмно-коричневые. Строка над ними — почти чёрная. Разные чернила, возможно, разные дни. Это ещё не доказывало дописки: переписчик мог составить лист чёрным составом, а Аглая расписаться своим. Но слова «без возражений» превращали получение в согласие.

— Почему не сняла зеркало сразу? — спросил он.

— Потому что получила приказ не снимать.

— Без номера и печати.

— От старшего цеха.

— С личным знаком, который может вырезать любой ученик.

— Я знаю его руку.

— Ты знаешь крючок.

Аглая соскочила с верстака.

— Не разговаривай со мной как со свидетельницей на рынке.

— Сейчас ты свидетельница.

— Я твоя сестра.

— Поэтому я должен верить тебе без вопросов?

— Поэтому мог бы сначала спросить, чего я испугалась.

Лампа потрескивала. За закрытыми ставнями ветер дёргал железное кольцо. Савватий почувствовал знакомое желание отступить к предметам: измерить бумагу, сравнить чернила, взвесить пластину. Предметы не требовали правильного тона.

— Чего? — спросил он.

Аглая подошла к ставне и прижала ладонь к дереву, будто проверяла, закрыта ли.

— В распоряжении был обряд нового носителя. Не выбор старшего, не назначение смотрителя. Носителя. Так называли только одно.

— Дань?

— Договор.

Она произнесла слово тихо, как их мать много лет назад.

Савватий положил лист рядом с зеркалом.

— Какой договор?

— Не делай вид, что не понимаешь.

— Я понимаю рассказы. Туман держит зимнюю волну за молом. За это слобода белит сваи и отдаёт часть улова. Но бумагу никто не показывает.

— Потому что бумага не для всех.

— А для кого?

— Для носителя и старшего цеха.

— Кто носитель сейчас?

Аглая молчала.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Лука знает?

— Должен.

— И велит оставить опасное зеркало до обряда, на котором выберут нового человека для тайного договора. Ты испугалась и поэтому послушалась?

— Я решила, что зеркало связано с испытанием носителя. Что оно не для лодок.

— Оно показывало лодкам ложный проход.

— Я не знала.

— После первой лодки знала достаточно, чтобы снять.

— Поэтому вызвала тебя.

— На следующий день.

Аглая повернулась. Лицо у неё было усталым, старше своих сорока трёх лет.

— Если снять предмет, который цех поставил ради договора, не зная его назначения, можно сделать хуже. Ты уехал из Белых Свай и охотился за говорящими костями, плачущими иконами и самогреющимися монетами. А я оставалась здесь каждую осень, когда туман стучал в окна. Ты можешь позволить себе сначала разоблачить. Мне приходится сначала удержать свет.

Савватий хотел ответить, что ложный свет ничего не удерживает. Но лодка Косиных едва не разбилась именно потому, что Аглая одну ночь подчинилась бумаге. Правота была рядом и всё же не давала права упростить её страх.

— Когда мать велела не говорить о договоре у воды, ты знала почему? — спросил он.

Аглая отвела взгляд.

— Знала, что вода слушает.

— Это детский ответ.

— Другого у меня не было.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что раз в поколение цех выбирает того, кто отвечает перед туманом. Имени носителя не объявляют. Когда прежний больше не может, проводят обряд. Если переход сорвётся, туман войдёт в гавань.

— Откуда знаешь?

— Из наставления смотрителю.

— Покажи.

— Оно наверху, в запертом ящике.

— Сейчас.

— Через четверть часа надо зажигать огонь.

— Тогда после зажигания.

Аглая кивнула. Ссора не закончилась; её просто отложили ради работы.

Они поднялись в фонарную комнату. Стекланные стены уже темнели. Внизу слобода зажигала окна, и белые сваи становились серыми. Полоса свежей побелки заканчивалась у самого мола. За ней стоял туман.

Аглая открыла подачу масла. Савватий проверил заслонку и фитиль. Они делали это вместе подростками, пока мать была жива: один называл действие, другой подтверждал. Тогда Савватий считал порядок скучной прихотью. Позже понял, что скука — часть безопасности. Если важное действие каждый раз выглядит одинаково, ошибка становится заметной.

— Масло идёт, — сказала Аглая.

— Вижу.

— Фитиль поднят на два пальца.

— Вижу.

— Воздух открыт.

— Проверил.

Она поднесла длинную лучину. Огонь вспыхнул синим, затем стал золотым. Главное зеркало собрало его и послало через гавань. На воде возникла ровная светлая дорога.

Савватий смотрел на старые сваи. Пластина лежала внизу, на верстаке. Второй огонь не появился.

— Опыт надо повторить снаружи, — сказал он.

— Сегодня?

— Сейчас. Лодка на воде, наблюдатель здесь.

— Кто в лодке?

— Я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты предложишь мне повернуть зеркало, а сам полезешь между Каменным Зубом и сваями, чтобы увидеть границу ложного прохода.

— Именно.

— Поэтому нет.

Через несколько минут они договорились хуже, чем могли бы, и лучше, чем обычно. В лодку пошли оба. Наверху остался сменный маячник Терен, человек с такой медленной речью, что даже тревога у него звучала как чтение списка. Он должен был держать главный огонь по обычным отметкам и записывать время каждого поворота.

Зеркальную пластину вернули на старые сваи, но закрепили новой верёвкой, конец которой Аглая держала в лодке. Одним рывком она могла сбить угол. Савватий поставил на носу доску с мелованной шкалой и компасную иглу в чашке масла.

Прилив был на пол-ладони выше вчерашнего. Поплавок поднял пластину к пятой риске. Сначала на воде лежала одна дорога. Потом Терен повернул главное зеркало.

Левее вспыхнула вторая.

С воды подделка выглядела убедительнее, чем из мастерской. Настоящий огонь был выше, но волна ломала его отражение, и оба пути начинались почти рядом. Между ними темнел спокойный коридор. Лодку туда тянуло само зрение.

— Не греби, — сказала Аглая.

— Я не гребу.

Течение медленно разворачивало нос.

— Тогда почему идём к Зубу?

Савватий опустил руку в воду. Под поверхностью чувствовалась боковая тяга. Старые сваи сужали поток, а Каменный Зуб отбрасывал его к ложному проходу. Устройство не просто показывало неверную дорогу. Оно ставило её туда, куда лодку и без того сносило приливом.

— Греби назад, — сказал он.

Аглая не стала напоминать, что предупреждала. Два сильных удара вёсел остановили лодку. Савватий отметил место по трём крышам на склоне. До камня оставалось меньше двух лодочных длин.

— Сбивай зеркало.

Она дёрнула верёвку. Пластина повернулась ребром. Второй огонь погас, и тёмный коридор исчез. Настоящая дорога сразу стала единственной.

Савватий записал время. Ветер перевернул край листа. На бумагу упала капля, размыв слово «ложный», но не цифры.

— Теперь знаем, — сказала Аглая.

— Знаем механизм.

— И опасность.

— Опасность знали Коськины.

— Не начинай снова.

— Я не начинаю. Я отделяю наш опыт от их свидетельства. Без них мы бы не искали пластину.

Аглая посмотрела на него через плечо.

— Для человека, который никому не верит, ты сегодня много говоришь о свидетелях.

— Я верю проверяемым показаниям.

— То есть людям, если они ведут себя как твои гири.

Он не ответил. Аглая вывела лодку к причалу.

Наверх они вернулись после полного зажигания. Терен передал журнал: все отметки совпали с их наблюдениями. Савватий попросил его описать опыт своими словами, не показывая записи. Терен медленно рассказал о двух появлениях ложного света и одном исчезновении после сигнала верёвкой. Время разошлось на один удар колокола.

Четыре пробы сложились. Вес самой пластины значения не имел, но поплавок поднимал строго измеримую нагрузку. Отражение объясняло двойной свет. Соль и вода меняли высоту. Свидетель наверху подтвердил моменты появления. Подделка выдержала бы каждую пробу отдельно и выдала себя только в их соединении.

Аглая открыла ящик с наставлениями. В нём лежали три книги: уход за фитилём, сигналы для лодок и тонкая тетрадь без названия. Последнюю она положила перед Савватием.

На первой странице было написано: «Смотритель держит огонь, пока носитель держит туман». Дальше перечислялись признаки ослабления: мокрый звон колокола, белый налёт внутри стёкол, второе отражение там, где нет зеркала, забытое обращение к знакомому человеку.

Савватий перечитал третью строку.

— Второе отражение — признак ослабления договора?

— Поэтому я не сняла пластину, — сказала Аглая. — Подумала, цех проверяет, отличим ли мы знак от устройства.

— Цех изготовил устройство, похожее на знак из твоего тайного наставления.

— Да.

— А потом приказал оставить его до выбора нового носителя.

— Да.

Он перевернул несколько страниц. О способе выбора там не говорилось. Последний лист был вырезан близко к корешку. Оставалась узкая полоса бумаги с половиной буквы.

— Давно?

— До меня.

— Кто передал тетрадь?

— Лука. Когда назначил смотрительницей.

Савватий вернулся к распоряжению. Знак Луки стоял на месте подписи. Номера реестра не было. Формально лист мог не существовать. Зато подпись Аглаи существовала и подтверждала, что она получила приказ без возражений.

— Завтра пойдём в цех, — сказал он.

— В реестр?

— Сначала в реестр. Если номера нет, спросим Мирона, откуда лист. Потом Луку — зачем ему второй маяк.

— Он скажет, что спасает гавань.

— Может быть, это правда.

— И тебя это устроит?

— Правда о цели не делает безопасным средство.

Аглая закрыла тетрадь.

— А если без средства гавань не спасти?

Савватий посмотрел через стекло. С моря шли три лодки. Настоящий огонь вёл их между молами. Туман стоял по обе стороны прохода, и казалось, что белая дорога прорезана в нём ножом.

— Тогда пусть назовёт цену вслух, — сказал он. — Не прячет её в чужой подписи.

Внизу хлопнула дверь. На лестнице раздались торопливые шаги. Данила Шорох поднялся в фонарную комнату запыхавшийся, без шапки и с разорванным рукавом.

— Нашёл рыбака, — выговорил он.

— Где?

— У цехового дома. Он отдал багор привратнику и вошёл через заднюю дверь.

— Имя узнал?

Данила кивнул.

— Его зовут Елисей Мокрец. Он не рыбак. Он собирает туманную дань с дальних улиц.

Аглая тихо втянула воздух.

— Ты проследил дальше? — спросил Савватий.

— Ждал у двери. Потом вышел Мирон. Отдал ему белый плащ, свёрнутый так, будто хотели спрятать сажу. Они разошлись. Я пошёл за Мокрецом, а он заметил. Потому рукав.

— Дрался?

— Он меня зацепил за гвоздь. Руками не тронул. Сказал, чтобы я радовался: раковина назвала старый долг, а не новый.

Савватий записал фразу дословно.

Белый плащ с сажей на плече. Безымянный свидетель. Сборщик дани. Мирон, чей голос говорил из раковины. Наконец цепь становилась видимой — и именно поэтому Савватий не доверял ей.

Слишком быстро. Слишком чисто.

Он взял распоряжение Аглаи и поднёс к огню. В толще бумаги проступил водяной знак цеха. Ниже, почти у самого сгиба, виднелась ещё одна прозрачная линия: край старого письма, с которого соскоблили прежние слова.

Лист использовали второй раз.

— Завтра в реестр, — повторил Савватий.

— А сегодня? — спросил Данила.

— Сегодня снимем пластину окончательно, запечатаем её при трёх свидетелях и сделаем копию распоряжения.

— Почему копию?

Савватий посмотрел на подпись сестры.

— Потому что человек, который не внёс приказ в реестр, рассчитывает однажды сказать, что приказа не было.

Глава 4. Старший цеха

Цеховой дом открывался раньше рыбного торго. В половине шестого над его трубами уже лежал плоский дым, а под навесом у боковой стены стучали молотки. Мастера выправляли медные оправы, пока металл не успел нагреться от солнца. Каждый удар отзывался в мокрой мостовой, будто кто-то под землёй пересчитывал долги.

Савватий пришёл с Аглаей и тремя свидетелями. Пластину несли в ящике из-под маячного стекла. Верёвка дважды охватывала крышку и сходилась на узле, залитом красным воском. На воске отпечатались ноготь Терена, обломанный ключ Данилы и маячная печать Аглаи. Сам Савватий печати не поставил. Испытатель, который первым трогал вещь, не должен был заверять собственную работу.

У дверей сидел привратник Ларь Гумен. Вчера он принял багор Елисея Мокреца; сегодня багор стоял за его табуретом, ещё мокрый у крюка.

— Сдавать будете? — спросил Ларь, кивнув на ящик.

— Показывать, — ответил Савватий. — Сдавать будем после записи в реестр.

— Разницы не вижу.

— Поэтому ты у двери, а Мирон у книг.

Ларь насупился, однако пропустил их. Данила остался снаружи караулить второй выход. Терен поставил ящик на скамью в приёмной и сел рядом, положив обе ладони на колени. Аглая не сняла непромокаемый плащ. С его края на чистый пол натекала лужа, но никто не решился попросить маячницу вытереть ноги.

Реестровая комната занимала середину дома и не имела окон. Здесь хранили не чудеса, а право на них. Вдоль стен стояли шкафы с узкими ячейками. В каждую помещался лист: кто заказал вещь, кто изготовил, кто испытал, какой знак разрешено показывать людям и сколько сезонов действует свидетельство. Над столом висели четыре гири, четыре зеркала, четыре мешочка соли и четыре дощечки для показаний. Цех любил повторять свои правила даже там, где никто не мог их забыть.

Мирон Клевец сидел на высоком стуле. Перед ним лежала книга в серой коже. Он был худ, узкоплеч и так аккуратно зачесал мокрые волосы, словно боялся оставить в комнате хоть одну лишнюю линию. Увидев Савватия, он привстал. Перо в его пальцах дрогнуло и поставило на полях точку.

— Мне нужен реестр тайных распоряжений за последний месяц, — сказал Савватий.

— Тайные распоряжения не показывают людям без цехового знака.

— Тогда покажи открытую запись о вспомогательном зеркале на старых сваях.

Мирон посмотрел на Аглаю.

— Такого зеркала нет.

— Уже нет, — сказала она. — Оно в приёмной.

— Я хотел сказать: в реестре.

— Это мы знаем.

Савватий положил перед ним копию приказа. Оригинал остался в маячном сундуке. На копии Терен своей рукой подтвердил каждое слово, а Данила и Аглая расписались ниже.

Мирон прочитал лист до конца. Когда дошёл до добавленных слов «Получено без возражений», его большой палец закрыл край строки.

— Кто писал? — спросил Савватий.

— Вы видите руку.

— Вижу твою.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Чтобы услышать, признаёшь ли ты её своей.

Мирон медленно убрал палец.

— Основной текст писал я. Помету внизу — тоже.

— По чьему слову?

— По распоряжению старшего.

— У распоряжения был номер?

— Нет.

— Почему?

— Мне велели оформить временную меру.

— Временная мера может утопить лодку так же навсегда, как постоянная.

В приёмной перестали говорить. Даже молотки под навесом будто стали тише, хотя Савватий понимал: мастера просто прислушиваются.

Мирон опустил глаза к копии.

— Я записываю то, что мне диктуют.

— Ты записал больше. Аглая получила лист. Где она сказала, что не возражает?

— Она его взяла.

— Рука у неё была занята фонарём. Взять бумагу — не то же самое, что согласиться.

— Старший сказал, что для служебной передачи этого довольно.

— А ты поверил?

Мирон наконец посмотрел на него. Глаза у переписчика были серые, почти одного цвета с кожей реестра.

— Моя вера не входит в запись.

— Зато входит чужое согласие.

Дверь за спиной Савватия открылась без скрипа. Лука Ставень всегда появлялся так, словно дом заранее знал его шаг и убирал с дороги всякий звук. Он был выше Савватия, сухой, с длинным лицом и белой бородой, подстриженной ровно по вороту. На нём не было ни праздничной цепи старшего, ни плаща со знаками испытаний. Простая синяя рубаха, кожаный передник, рукава закатаны. На правом предплечье тянулся старый ожог — след расплавленного зеркального сплава.

— Вера Мирона действительно не входит в запись, — сказал Лука. — И твоя не должна входить. Потому я рад, что ты пришёл с вещью, а не с криком.

Он поприветствовал Аглаю первым, затем Терена и только потом Савватия. Мирону велел принести из верхнего шкафа книгу распоряжений. Переписчик снял с шеи ключ, но Лука остановил его.

— Не эту. Зелёную.

— Зелёная для незавершённых дел.

— Вот и покажи.

Мирон достал тонкую книгу, которую Савватий прежде не видел. На корешке не было года. Страницы держались на медных кольцах и могли выниматься. Лука перелистнул их, нашёл лист с маячным знаком и повернул книгу к гостям.

Запись о пластине существовала. Чертёж совпадал с найденным устройством до последнего зажима. Под ним стояли имена мастеров: поплавок делал Васько Репей, зеркало шлифовала Млада Чирей, замазку готовил ученик без имени. Назначение было написано короче: «Для проверки второго пути при ослаблении туманной держи». Заказчик — старший цеха. Испытание не проведено. Место установки не указано.

— Почему лист не в основном реестре? — спросила Аглая.

— Потому что опыт не завершён.

— На моём маяке он уже стоял.

— На старых сваях, не на маяке.

— Он отражал мой огонь.

— И показал опасный путь. Значит, опыт дал ответ.

Аглая шагнула к столу. Лука не отступил, но положил ладонь на книгу, будто удерживал страницу от ветра.

— Вы знали, что путь опасный? — спросил Терен.

Лука повернулся к нему.

— Я предполагал. Для того устройство и поставили в отлив, когда промысловые лодки уже вернулись.

— Коськины возвращались позже, — сказала Аглая.

— Они нарушили общий час.

— Значит, их можно было направить на Каменный Зуб?

— Значит, им следовало смотреть на главный огонь и не выбирать более лёгкую дорогу.

Савватий слушал не слова, а порядок. Лука признавал изготовление, установку и опасность, но каждое признание ставил рядом с чужой обязанностью. Мастер сделал зеркало — лодочник должен различить свет. Старший скрыл опыт — маячица должна довериться приказу. Подделка создала ложный путь — виноват тот, кого этот путь соблазнил.

— Откройте ящик, — сказал Лука.

— Сначала запись о приёме, — ответил Савватий.

— Ты мне не доверяешь?

— В данном случае доверие легко заменить строкой.

Лука чуть улыбнулся.

— Хорошо сказано.

Мирон взял чистый лист. Савватий продиктовал время, состояние печатей и имена свидетелей. Переписчик записывал быстро, однако на имени Савватия перо на мгновение задержалось. Лука это заметил.

— Что такое?

— Клякса могла выйти, — сказал Мирон.

Кляксы не было.

Лука приложил к приёмному листу свой знак. Только после этого Аглая позвала Данилу. Все трое свидетелей сломали восковые печати. Савватий открыл крышку и откинул мокрую мешковину. Зеркальная пластина лежала внутри отражением вниз.

Лука поднял её за медный зажим. Он не спросил разрешения, но держал правильно: не касался замазки и не заслонял царапины на оправе.

— Хорошая работа, — сказал он.

— Опасная, — поправила Аглая.

— Хорошая работа может быть опасной. Плохая опасна почти всегда.

— На зажиме та же смесь, что на говорильной раковине, — сказал Савватий.

— Перламутровая замазка из моей мастерской. Ею пользуются семнадцать мастеров.

— С угольной пылью?

— Если нужно скрыть трещину от света.

— На раковине трещины нет.

— Тогда мастер истратил замазку зря.

Лука положил пластину на серую ткань и попросил Мирона принести раковину. Переписчик не двинулся.

— Раковина не у нас, — сказал он.

— А где?

— У Даны Лещ, — ответил Савватий. — Под распиской.

Лука поднял брови.

— Цеховой предмет ты оставил на торгу?

— Ваша метка на нём была подпиlena. Пока не установим владельца, он такой же цеховой, как мой сапог.

— Ты установил мастерскую по замазке.

— Семнадцать мастерских, по вашим словам.

— Значит, нужда в независимом испытателе стала ещё явнее.

Савватий почувствовал, как разговор повернул. Лука не защищался. Он собирал каждое возражение и укладывал в приготовленную форму.

— Зачем вы поставили зеркало? — спросил Савватий.

— Это уже объяснено в книге.

— Там написано, что вы проверяли второй путь. Зачем?

— Затем, что люди увидят его и без моей пластины.

В комнате стало теснее. За дверью кто-то шевельнулся. Лука подошёл к шкафу, достал свёрнутую карту гавани и разложил на столе поверх чистой промокательной бумаги. На карте были отмечены молы, Каменный Зуб, старые сваи и фарватер. Красные точки тянулись вдоль берега.

— За последние девять дней туман трижды дошёл до этих домов, — сказал он. — На Гончарной забыли имя старосты. У северного причала сети покрылись белой солью изнутри. Вчера маяк дал второе отражение.

— Вчера второе отражение дали вы.

— Вчера — я. Позавчера его видели у внешнего мола, где нет ни пластины, ни моего мастера.

— Кто видел?

— Две лодки.

— Имена людей?

— Получишь показания после полудня.

— Почему не сейчас?

— Потому что один человек в море, а второй спит после ночного лова. Я не стану будить его ради твоего удобства.

Савватий провёл ногтем по красной точке у Гончарной. Краска была свежая. Это ничего не доказывало: событие могло быть вчерашним или нанесённым минуту назад.

— Если настоящий второй свет уже появился, зачем понадобился ложный?

— Чтобы научить людей ошибаться там, где ошибка ещё поправима.

— Коськиным она была не по силам.

— Но они вернулись.

— Потому что Аглая заметила их и повернула зеркало.

— Значит, смотрительница сделала то, что должна. Я проверял не только лодочников.

Аглая сорвала с головы капюшон. Волосы у неё были влажные, на виске прилипла седая прядь.

— Вы проверяли меня без предупреждения?

— Я дал приказ.

— Вы велели не трогать устройство, а не следить за лодками, которые оно ведёт на камень.

— Маячнице не нужно отдельно велеть следить за лодками.

Терен поднялся со скамьи в приёмной. Движение получилось медленным, но половица под ним громко скрипнула.

— Я был на смене, когда Коськины шли домой, — сказал он. — Если это испытание, в вашей книге должно стоять и моё имя.

— Стоять будет, — ответил Лука.

— После того, как я сам пришёл?

Лука промолчал. Не оттого, что ему нечего было сказать. Он давал словам Терена осесть, чтобы не толкнуть спокойного маячника к гневу.

Савватий знал этот приём. Много лет назад, когда он ещё брал цеховые заказы, Лука учил молодых испытателей: не спорь с горячим железом; положи его на камень, и оно само потеряет цвет. Тогда совет казался мудрым.

— Допустим, договор слабеет, — сказал Савватий. — Допустим, настоящий второй огонь скоро появится. Вы сделали ложный, чтобы люди поверили в опасность, которую ещё не видят.

— Не поверили. Научились.

— Вы изготовили им доказательство.

— Я изготовил опыт.

— В опыте человек знает, что его испытывают.

— Рыба знает, что её испытывает море?

— Мы не рыбы.

— Когда вода входит в дом, разница невелика.

Лука свернул карту не по старым сгибам, а одним широким движением. Красные точки исчезли внутри.

— Пойдём, — сказал он. — В реестре ты всё равно увидишь только бумагу.

Он повёл их через мастерские. В первой шлифовали зеркала. Млада Чирей, широкоплечая женщина с левой рукой в серой рукавице, держала стекло на вращающемся круге. Увидев пластину, она вытерла лоб тыльной стороной запястья.

— Моя, — сказала она. — Старший велел дать раздвоенный луч при низком огне. Я думала, для учения маячников.

— Место установки знала? — спросил Савватий.

— Нет.

— Кто забрал работу?

— Мирон.

В следующей комнате Васько Репей вырезал поплавки из пробки. Его заказ звучал иначе: держать медную полоску на двух ладонях над водой при среднем приливе. О зеркале он не знал. Замаску готовил пятнадцатилетний ученик Гринь, которому дали привычный рецепт и велели добавить уголь, «чтобы не блестело по краям». Каждый сделал безопасную часть. Опасность появилась между комнатами, куда мастера не заглядывали.

— Удобно, — сказал Савватий, когда они вышли во двор. — Никто не знал целого.

— Так строят корабли, — ответил Лука. — Канатчик не решает, куда пойдёт судно.

— Но хозяин судна знает, что везёт.

— Хозяин иногда знает меньше канатчика.

Во дворе стояли бочки с туманной данью. Раз в месяц жители приносили соль, масло, медную стружку и по одному предмету, который долго держали в руках: ложку, пуговицу, челночок, рукоять ножа. Цех сжигал масло в маяке, солью укреплял белые сваи, медью чинил оправы. Для чего служили личные вещи, вслух не объясняли. Говорили: туман должен знать, кого защищает.

Сегодня у бочек собрались рыбаки с южного конца. Они требовали снять запрет на выход. Вчера после рассказа о втором огне Лука велел закрыть гавань до полудня. Сети оставались в воде, улов уходил, люди ругались.

— Вот зачем нужна была пластина, — тихо сказал Лука. — Если я просто объявлю, что держь слабеет, половина уйдёт в море назло цеху. Если они увидят два огня, останутся.

— Пока не поймут, что второй сделали вы.

— Тогда снова уйдут.

— Потому вы не внесли опыт в реестр.

Лука посмотрел на него устало, почти с сожалением.

— Потому я надеялся выиграть два дня.

Рыбаки заметили Савватия. Первым подошёл Стась Коськин, старший из братьев, чью лодку едва не вынесло к Каменному Зубу. На скуле у него темнел свежий синяк — ударился о борт, когда Аглая сбила ложное зеркало.

— Испытатель! — крикнул он. — Скажи старшему: никакого второго огня не было. Нас напугали железкой.

Несколько человек поддержали его. Лука не повысил голоса.

— Скажи им, Савватий. Ты ведь проверил пластину.

Ловушка была простой именно потому, что в ней не было ложного вопроса.

— Вчерашний второй огонь создавала зеркальная пластина на старых сваях, — сказал Савватий. — Её заказал цеховой старший и установил без записи в основном реестре. Устройство вело лодки к опасному течению у Каменного Зуба.

Гомон поднялся сразу. Стась повернулся к Луке, двое рыбаков потянулись к бочкам, будто собирались забрать дань обратно. Лука дал им прокричаться.

— А держь слабеет? — спросила женщина с мотком сети через плечо.

— Это мы не проверили, — ответил Савватий.

— Значит, не слабеет.

— Значит только то, что мы не проверили.

— Старший врёт или нет?

— Вчера он показал вам изготовленный свет и не сказал об этом.

— Врёт, значит!

— О вчерашнем свете — да.

Лука шагнул на низкий помост, откуда мастерам объявляли дневные заказы.

— Вы слышали охотника, — сказал он. — Он не служит цеху. Не берёт у меня плату. Пришёл с собственной печатью и своими свидетелями. Он назвал мой поступок обманом перед моими мастерами.

Толпа притихла не вся, но достаточно.

— И всё же, — продолжил Лука, — он не сказал, что опасности нет. Потому что честный испытатель отличает неизвестное от ложного. Сегодня гавань закрыта не из-за пластины. Она закрыта до проверки настоящих признаков.

Савватий увидел, что произошло, раньше, чем Лука произнёс его имя. Разоблачение стало ступенью. Неподкупность Савватия не разрушала власть старшего — она придавала вес следующему объявлению.

— Савватий Рун проверит признаки ослабления держи, — сказал Лука. — И вся слобода услышит его вывод.

— Я этого не обещал.

— Разве ты откажешься проверить опасность после того, как сам признал её неизвестной?

Люди повернулись к нему. Стась Коськин нахмурился. Женщина с сетью ждала ответа, крепко держа мокрый моток обеими руками. Лука выбрал вопрос, на который нельзя было ответить одним словом, не потеряв половину смысла.

— Я проверю доступные признаки, — сказал Савватий. — Но не по вашему поручению и не один.

— Именно так и должен говорить независимый человек.

— И результат не будет вашим знаком.

— Он будет результатом.

— Вы не объявите его до того, как свидетели подтвердят запись.

— Конечно.

— И не станете ссылаться на моё имя в обрядах выбора носителя.

В толпе кто-то переспросил: «Какого носителя?» Лука задержал взгляд на Савватии. Вот теперь тот задел скрытое.

— Мы обсудим обряд, когда проверка покажет необходимость, — сказал старший.

— Вы уже приказали оставить зеркало до обряда. Значит, готовите его сейчас.

— Готовиться к шторму нужно до первой волны.

— Кого выбираете?

— Никого.

— Тогда почему раковина назвала меня годным принять чужое имя?

Шум сделался другим. Раньше люди сердились из-за потерянного лова. Теперь рядом с каждым словно возникло свободное место, на которое могли поставить его самого.

Лука спустился с помоста.

— В кабинет, — сказал он.

— Здесь вы использовали моё имя. Здесь и отвечайте.

— Здесь я не позволю превратить старый договор в площадную страшилку.

— Раковину на площадь принёс не я.

На лице Луки впервые появилось раздражение. Всего на мгновение: угол рта натянулся, пальцы правой руки сжались на краю передника. Потом старший снова стал спокойным.

— Раковина была учебной вещью, испорченной неизвестным человеком. Я не отдавал приказа называть тебя.

— Голос Мирона записан в мембране.

Все посмотрели на переписчика. Он стоял в дверях мастерской с зелёной книгой у груди. Слишком далеко, чтобы вмешаться, достаточно близко, чтобы слышать.

— Мирон читал много текстов для говорильных вещей, — сказал Лука. — Отдельные слова можно собрать.

— Можно. Я проверю разрезы воска.

— Проверь.

Лука произнёс это почти охотно. Савватию снова не понравилась лёгкость согласия.

Рыбаки начали требовать открыть гавань или немедленно показать признаки настоящего тумана. Лука поднял руку.

— До полудня Савватий осмотрит красные точки на карте, возьмёт показания у двух лодочников и проверит соль на Гончарной. Если он скажет, что опасности нет, запрет будет снят.

— Если я скажу, что не нашёл признаков, — поправил Савватий. — Это не одно и то же.

— Вы слышали? Даже противник цеха не обещает вам безопасности.

Теперь слова уже не догнать. Они ушли в толпу, рассыпались на пересказы и к вечеру вернулись бы новой истиной: независимый Рун подтвердил, что море опасно; Рун согласился проверить выбор; Рун спорил со старшим и всё же остался работать.

Савватий подошёл к Луке вплотную.

— Вы знали, что я откажусь служить вам.

— Я ещё не предлагал.

— Предложите сейчас.

Лука оглядел двор и кивнул в сторону лестницы. На этот раз Савватий пошёл за ним. Аглая хотела подняться тоже, но брат остановил её.

— Возьми копию приёмной записи. И не оставляй Мирона одного с оригиналом.

— Ты сам не оставайся с Лукой без свидетеля.

— Дверь будет открыта.

Кабинет старшего находился над плавильней. Пол был тёплым, в воздухе пахло воском и медью. На стене висели прежние цепи Луки: знаки за спасение гавани, за разоблачение крово-

точащей иконы, за испытание соли после большого паводка. Савватий присутствовал при двух из этих дел. Тогда Лука не прятал устройство опыта и не вписывал согласие за других.

Старший налил воды из глиняного кувшина. Себе пить не стал.

— Я предлагаю тебе место главного испытателя цеха, — сказал он. — Отдельную комнату, право требовать любую книгу, двух учеников и плату из общей доли. Ни один знак не выйдет на площадь без твоей проверки.

— Кроме тех, которые вы уже вывели.

— Именно поэтому место нужно занять сейчас.

— Чтобы я заверил сделанное задним числом?

— Чтобы следующего раза не было.

— Следующий раз уже готов.

— Всегда что-нибудь готово, Савватий. Люди несут на торг раковины, кости, плачущие стёкла. Мастера берут заказы по частям. Рыбаки видят свет там, где им страшно его увидеть. Ты можешь бродить за каждой подделкой с гирей в сумке. Или сесть здесь и изменить порядок.

— Порядок, в котором вы решаете, что мне показать.

— Порядок, в котором ты получишь ключи.

Лука снял с пояса связку и положил на стол. На ней было семь ключей. Савватий узнал ключ от основного реестра, от склада испытанных вещей и от лестницы в нижний архив. Седьмой был маленький, почерневший от воды.

— От чего этот?

— От шкафа с выписками из книги договора.

Савватий не прикоснулся к связке.

— Почему предлагаете её мне?

— Потому что нынешний носитель не доживёт до следующей весны.

Последние слова Лука произнёс без паузы, но тише остальных.

— Кто носитель?

— Уже одиннадцать лет.

— Почему об этом не знает слобода?

— Знает. Просто не может удержать знание рядом с её лицом.

— Она согласилась?

— Да.

— Как?

— По правилам договора.

— Добровольно?

— Ты задаёшь один вопрос разными словами, потому что не нравится ответ.

— Я ещё не получил ответа.

Лука взял связку, и ключи тихо звякнули.

— Носитель согласился, когда вода стояла у шестой ступени ратуши. Ему показали цену и последствия. Он назвал себя перед свидетелями.

— Где запись?

— В книге.

— Дайте прочитать.

— Главный испытатель получит доступ.

— Значит, ключ не предложение. Это наживка.

— Называй как хочешь. Дверь от этого не перестанет быть запертой.

Савватий подошёл к открытому окну. Внизу двор гудел. Аглая стояла возле Мирона. Переписчик что-то объяснял ей, ведя пальцем по зелёной странице. Данила сидел на бочке и не выпускал из рук приёмную запись. Терен говорил со Стасем Коськиным, медленно, как всегда. Люди ещё спорили, но никто не шёл к лодкам. Лука получил свои часы.

— Вы сделали меня своим испытателем без должности, — сказал Савватий.

— Я попросил тебя сделать нужную работу.

— Публично. После того как сами показали мою неподкупность.

— Разве она была тайной?

— Следующее ваше знамение люди примут серьёзнее, если я буду рядом.

— Тогда разблочи и его.

— Вы рассчитываете даже на это.

Лука подошёл к окну и встал рядом, оставив между ними расстояние в ладонь.

— Я рассчитываю, что до осеннего шторма гавань не опустеет и не наполнится трупами.

Если для этого нужно, чтобы меня называли лжецом, я переживу. Если нужно, чтобы тебя называли честным, ты тоже переживёшь.

— А нынешний носитель?

— Она переживает каждый день, который мы тратим на красивые вопросы.

— Кого вы выбрали вместо неё?

Лука посмотрел вниз, на людей.

— Того, кому поверят.

— Это не имя.

— Пока нет.

Савватий вспомнил голос из раковины: «Годен принять чужое имя». Вспомнил задержку пера Мирона над строкой. Не страх написать имя, а страх сделать его частью записи.

— Моё место не здесь, — сказал он.

— Потому что боишься стать цеховым?

— Потому что испытатель не должен получать ключ от человека, чьи чудеса проверяет.

— Кто же даст ему ключ?

— Свидетели. По одному. Чтобы ни у кого не было всех дверей.

— Красиво. Когда туман войдёт на площадь, позови семерых свидетелей и попроси не разбегаться.

— А вы позовёте одного испуганного человека и назовёте его согласие добровольным.

Лука отвернулся от окна.

— Предложение останется до вечера.

— Отказ останется дольше.

— Именно это я и скажу людям. Савватий Рун отказался от платы, ключей и места.

Поэтому его словам можно верить.

Он произнёс это без угрозы. Как строку, которую уже внёс в зелёную книгу.

Савватий вышел на лестницу и увидел Мирона внизу. Переписчик держал приёмный лист и сушил чернила песком. Рядом с именем Савватия появилась короткая помета. С такого расстояния слова разобрать было нельзя.

— Покажи запись, — сказал Савватий, спускаясь.

Мирон стряхнул песок. Внизу, после перечня свидетелей, стояло: «Испытатель отказался от цеховой доли и принял независимую проверку признаков».

— Я не принимал проверку от цеха.

— Здесь не сказано, от кого.

— Потому и опасно.

Савватий взял перо, обмакнул в чернила и дописал собственной рукой: «Проверка проводится по требованию жителей. Вывод относится лишь к осмотренным вещам и показаниям. Имя испытателя не является знаком согласия на выбор носителя».

Мирон побледнел.

— Нельзя дописывать после знака старшего.

— Тогда вырви лист при всех и составь новый.

Мирон посмотрел на Луку, стоявшего наверху. Старший не запретил. Только кивнул, будто Савватий снова сделал именно то, чего от него ждали.

Аглая подошла ближе.

— Что теперь?

Савватий вернул перо.

— Теперь проверим красные точки. Потом найдём лодочников. А вечером заберём у Даны раковину и разрежем воск слой за слоем.

— Лука дал доступ к книге договора?

— Предложил ключ вместе с ошейником.

— Ты отказался.

— Поэтому старший объявит меня самым честным человеком в Белых Сваях.

Аглая оглянулась на Луку.

— Разве это плохо?

— Плохо, если моим именем начнут заверять то, чего я не видел.

Во дворе рыбаки уже пересказывали решение. Савватий слышал обрывки: «Рун про- верит», «Рун не взял денег», «Рун сказал, опасность возможна». Женщина с сетью уверяла соседку, что охотник согласился назвать нового носителя после полудня. Слова успели изме- нить форму, не пройдя и двадцати шагов.

Савватий остановился у бочек с данью. На крышке ближайшей кто-то рассыпал соль. Зёрна лежали беспорядочно, однако между ними оставалась чистая полоса, похожая на косую ножку буквы.

Он провёл пальцем рядом, не касаясь соли.

— Это было утром? — спросил он у Ларя.

Привратник пожал плечами.

— Соль часто сыплется.

— Кто открывал бочку?

— Разносчики с Гончарной. Принесли недобор.

— Имена?

— В накладной.

Мирон замер с зелёной книгой в руках. Лука сверху наблюдал молча.

Савватий наклонился ниже. Чистая полоса раздваивалась. Если снести три щепотки, получится руна. Если оставить всё как есть — случайный след от мокрой верёвки. Пока это не было чудом и не было подделкой. Только удобной пустотой, которую кто-то скоро мог запол- нить смыслом.

— Накладную возьмём с собой, — сказал Савватий.

— Куда? — спросила Аглая.

— На Гончарную. Старший обещал соль.

Он выпрямился. Лука всё ещё стоял на лестнице, над головами мастеров и рыбаков. Выражение его лица не изменилось, но Савватию показалось, что старший ждал именно этого взгляда на бочку.

Не предупреждал. Не приказывал. Ждал.

И впервые Савватий подумал, что ложное знамение может быть устроено не вещью. Достаточно привести честного человека туда, где лежат правильно рассыпанные зёрна, и поз- волить ему самому назвать то, что остальные должны увидеть.

Глава 5. Соль на пороге

На Гончарную улицу вела лестница из сорока трёх ступеней. Савватий знал число не потому, что любил считать дорогу, а потому, что три года назад проверял здесь святящуюся глину и носил гири вверх сам. Сегодня на двадцать первой ступени лежала соль.

Не горсть и не дорожка от прохудившегося мешка. Семь белых зёрен были вдавлены в мокрый камень острыми концами внутрь. Получалась маленькая звезда.

Аглая остановилась позади.

— Это знак?

— Пока россыпь.

— Ты всегда так отвечаешь, когда уже знаешь?

— Особенно тогда.

Он опустился на корточки. Вода стекала по лестнице слева направо, но соль лежала поперёк струйки. Значит, её положили после дождя. Нижние грани зёрен успели раствориться, верхние оставались сухими. Не больше получаса.

Данила поднялся ещё на две ступени и огляделся. Гончарная шла вдоль склона тесным рядом домов. Почти у каждого порога белела соль: где полосой, где кругом, где обычной кучкой. Хозяйки посыпали ею водоросли перед сушкой, гончары добавляли в глазурь, рыбаки растирали на подошвах против скольжения. На этой улице можно было написать солью половину книги и назвать всё хозяйственной случайностью.

— Разносчики должны быть впереди, — сказал Данила.

Накладная называла двоих: Фому Бердника и Киру Сеть. Они получили со склада шесть малых мешков, чтобы возместить недобор туманной дани у двенадцати домов. Возле каждого имени стояла мера. Никаких букв, знаков или чудес.

Первым был дом семьи Куть. Перед дверью соль лежала углом: длинная черта вдоль порога и короткая к улице. Савватий попросил хозяйку не выходить и осмотрел следы. Две пары сапог пришли сверху. Один человек поставил мешок у стены, второй зачерпнул соль деревянной кружкой. Часть просыпалась, но не так, как лежала сейчас: случайные зёрна отпечатались в грязи у водостока, а белый угол находился на сухой доске.

— Кто его сделал? — спросил Савватий.

Хозяйка, Дарья Куть, показалась в дверях с младенцем на руках.

— Фома. Сказал, теперь цех велит отмечать, кому вернули недостачу.

— Чем велел отмечать?

— Первой буквой двора.

— Куть через «К». Здесь угол похож на «Г».

— Двор записан на Гаврилу. Мужа моего.

— Вам дали расписаться?

— Фома сам черкнул. У меня руки были в тесте.

Савватий попросил показать мешок. Он был запечатан обычной цеховой ниткой, внутри оставалось около двух мер. На ткани углём стоял номер восемь.

В накладной напротив Гаврилы Куть был номер три.

— Мешки перепутали? — спросила Дарья.

— Возможно.

Он не стал говорить, что для обычной раздачи номер мешка вообще не требовался. Соль из всех шести брали из одной складской бочки.

У соседнего дома белая черта складывалась в «П». Там жила вдова Прасковья Лом. Разносчики называли знак первой буквой её имени. У кузнеца Бориса Жиха соль образовывала

«Б». У сестёр Корень — «О», хотя обеих звали на «М». Старшая объяснила, что дом прежде принадлежал их отцу Осипу и в податной книге до сих пор числится за ним.

Буквы следовали не нынешним жильцам и не названиям дворов. Они выбирали то имя, которое можно было объяснить после вопроса.

На шестом пороге знак исчез. Соль лежала ровной кучкой. Здесь разносчиков встретил сапожник Якуб Ремень. Он сидел под навесом и прибивал подошву, зажав сапог между коленями.

— Кира хотела рисовать, — сказал он. — Я смёл. Соль в доме нужна, а не воробьям.

— Что хотела нарисовать?

— Крючок. Будто «Я», только без нижней ноги.

— Почему?

— Сказала, складский счёт.

— Ты видел у неё список?

— Видел бумажку. Фома читал имена, она сыпала.

— Какие имена?

Якуб постучал молотком, вгоняя последний гвоздь.

— Наши. Куть, Лом, Жих. Потом твоё услышал.

Савватий не двинулся.

— Моё имя было в списке домов?

— Не знаю. Фома сказал: «Рун — годен». Кира ответила: «Вместо кого?» Он велел не болтать и заметил меня. Дальше шептал.

Аглая шагнула под навес.

— Почему сразу не остановил их?

— За что? За то, что брата твоего годным назвали? Мне каждый второй говорит, что моя кожа годится только на собачьи сапоги.

— Куда они пошли?

Якуб показал молотком вверх.

— К старой печи. Только поспешите. У Киры мешок лёгкий был.

Данила побежал первым. Савватий удержал Аглаю за локоть.

— Не наступай на знаки.

— Я вижу.

— Ты сейчас видишь моё имя даже там, где его нет.

Она высвободила руку.

— А ты делаешь вид, что не слышал.

— Я слышал слова Якуба. Это одно свидетельство.

— Надёжное?

— Он повторил разговор до того, как узнал, что нам важно.

Они пошли вверх, держась середины улицы. На порогах возникали новые буквы. «С» у дома, где жил Никифор Сом, но прежде держал лавку Семён. «Л» у Лукерьи Векши. «Т» у братьев Обуховых, которых соседи прозвали Тесными. Ни одна буква не была совсем необъяснимой, и ни одна не следовала единому правилу.

У старой гончарной печи Данила прижал к стене Фому Бердника. Не бил — держал за ворот. Кира Сеть стояла рядом с пустым мешком и прижимала к груди деревянную кружку.

— Отпусти, — сказал Савватий.

— Он список съесть хотел.

— Бумагу покажи.

Фома разжал зубы. Между губами торчал мокрый уголок. Данила вынул сложенный лист и передал Савватию. Тот развернул его осторожно. Бумага была тонкая, складская, с разли-

новкой на два столбца. Слева — двенадцать имён из накладной. Справа — буквы. Ни мер, ни номеров мешков.

Внизу стояла ещё одна строка: «С. Р. — годен вместо».

Последнее слово размокло, но читалось.

Аглая увидела его через плечо.

— Савватий Рун.

— Или Стась Рябой, — сказал он.

— В Белых Сваях нет Стася Рябого.

— Поэтому первый вариант вероятнее.

Фома кашлянул.

— Мы ничего не знаем про носителя.

— Я не спрашивал про носителя, — сказал Савватий.

Кира закрыла глаза. Фома понял ошибку и обмяк в руках Данилы.

— Кто дал лист?

— На складе лежал вместе с накладной.

— Кто выдал мешки?

— Елисей Мокрец.

— Что велел делать с буквами?

— Ничего. Тут уже были буквы. Мы решили, надо отметить дворы.

— Одинаково решили?

Кира заговорила быстрее Фомы:

— Он сказал: «Оставляйте знак там, где соль примут без расписки». Мы спросили какой.

Он ткнул в правый столбец. Я думала, это метки семей.

— Почему у Якуба хотела сделать крючок?

— На листе крючок.

— Здесь буква «Я».

— Перо не довело линию. Я повторила как видела.

Савватий посмотрел на знак напротив Якуба. Действительно, нижний штрих был едва заметен. Кира не рисовала знакомую букву по памяти, а копировала чернильную форму.

— Кто рассыпал соль на бочке во дворе цеха?

— Фома, — сказала она.

— Случайно! — возразил тот. — Мешок ставил.

— Потом пальцем поправил.

— Ничего я не правил.

— Ты сделал как в списке, только не закончил. Елисей вышел, и ты испугался.

Фома посмотрел на Савватия.

— Там была первая строка. Я хотел потренироваться. Что в этом дурного?

— Если знак ничего не значит — ничего. А он значит?

— Не знаю.

— Тогда зачем съедал список?

— Данила налетел, будто я человека зарезал.

— Ты знал, что лист нельзя показывать?

— Елисей велел вернуть.

— После раздачи?

— До полудня.

Савватий сложил бумагу по прежним сгибам. На просвет стало видно, что правый край отрезан неровно. Лист был частью большей страницы. За буквами оставались хвосты чернил, будто справа продолжались слова.

— Пойдём в цех, — сказал он.

Фома попятился.

— Мы соль раздали. Всё сделали.

— Именно поэтому пойдёте. Расскажите при Мироне, откуда этот список.

— А если не пойдём?

Аглая взяла пустой мешок и показала цеховую нить на горловине.

— Тогда я сообщу, что вы потеряли шесть мер туманной дани и накладную. Лука спросит строже.

— Это не потеря, — сказала Кира. — Людям отдали.

— Значит, вам нечего бояться.

По дороге вниз Савватий копировал знаки в книжку. Он не называл букв вслух. Рисовал расположение каждого зерна, край порога, направление воды, след кружки. У дома Прасковьи ветер уже разметал верхнюю дугу. Осталась белая черта, которую можно было принять за «Г», «П» или просто соль. Знамение жило недолго, но слух мог пережить его.

У нижней лестницы собрались дети. Они увидели буквы и стали искать свои. Девочка начертила носком «М» возле чужого порога. Мальчик подправил её знак, затем закричал, что соль назвала Марфу. Через минуту трое детей спорили, кого выбрал туман.

Савватий смёл детский рисунок рукавицей.

— Не трогай остальные, — предупредила Аглая.

— Этот появился при мне.

— А через час кто-нибудь поклянётся, что его принесли разносчики.

— Потому и убираю при свидетелях.

Он записал имена детей и попросил Якуба подтвердить время. Сапожник рассмеялся, но расписался гвоздём: проколол лист в условленном месте.

К цеху вернулись перед полуднем. Лука оставался во дворе с рыбаками. Запрет на выход ещё действовал. Когда он увидел Фому и Киру, лицо его не изменилось.

— Нашли настоящие признаки? — спросил он.

— Нашли работу ваших разносчиков, — ответил Савватий.

— Они не мои. Их нанимает склад.

— Склад чей?

— Общий.

— Ответственность тоже общая?

— Если вина общая.

Савватий не стал показывать список толпе. Соль на порогах ещё могла быть обычной отметкой, а строка о нём — чьей-то заметкой без назначения. Но Лука уже смотрел не на Фому, а на карман Савватия, куда был убран лист.

— Нам нужен Мирон, — сказал Савватий.

— Он в архиве.

— Позовите.

— Архив открывается в отлив. Он считает листы, пока вода низкая.

— Значит, спустимся к нему.

Лука встал на пути к внутренней двери.

— Нижний архив закрыт для посторонних.

— Утром вы предлагали мне ключ.

— Вместе с должностью.

— Тогда приведите Мирона наверх.

— Когда закончит.

— К полудню соль на порогах разметут. Люди запомнят буквы, но забудут, кто их насыпал. Вам это удобно.

Рыбаки прислушались. Лука оглядел их и отступил от двери.

— Аглая и Терен останутся здесь. Ты спустишься со мной. Разносчики подождут под надзором Данилы.

— Либо идут все свидетели, либо Мирон выходит.

— Ты начинаешь торговаться дверями, которые тебе не принадлежат.

— А вы — временем, которое меняет улику.

Снизу ударил колокол. Не маячный, а маленький архивный: два коротких звона означали, что вода дошла до нижней отметки. Через несколько минут дверь открылась, и Мирон появился сам. Штанины его были мокры до колен. Он нёс под рубахой свёрток, защищая от сырости.

Увидев Фому, Киру и Савватия, переписчик остановился.

— Покажи ему лист, — сказал Лука.

Савватий развернул список на реестровом столе. Мирон не взял его в руки. Наклонился, посмотрел на левый край, потом на правый.

— Это из книги дани.

— Какой страницы?

— Не знаю.

— Ты узнал разлиновку.

— И бумагу.

— Буквы справа что означают?

— Первые буквы имён.

— Каких? Слева уже написаны имена.

Мирон промолчал.

Савватий положил рядом накладную. Двенадцать дворов совпадали, порядок — нет. В накладной они шли по улице снизу вверх. В списке — Куть, Лом, Жих, Корень, Сом, Ремень, затем остальные вразброс.

— Это не маршрут, — сказал Савватий. — Что объединяет порядок?

— Я не составлял лист.

— Но видел страницу, от которой его отрезали.

Мирон коснулся пальцем хвоста чернил у правого края.

— Возможно.

— Принеси книгу.

— Нельзя.

— Тогда скажи, что написано дальше.

Лука положил ладонь на стол.

— Мирон, отвечай только о том, что относится к раздаче соли.

Переписчик быстро взглянул на него. В этом взгляде Савватий увидел не послушание, а облегчение: старший очертил границу, за которой можно молчать.

— К раздаче соли буквы не относятся, — сказал Мирон.

Фома выругался. Кира опустила кружку на пол.

— А к чему относятся? — спросил Савватий.

— Я не могу сказать.

— Потому что не знаешь или потому что запрещено?

— Потому что это книга договора.

Во дворе заговорили все разом. Лука закрыл внутреннюю дверь, отсекая шум, но слова уже вышли наружу.

— В книге договора перечислены дома? — спросил Савватий.

— Имена, — ответил Мирон.

— Эти двенадцать?

— Да.

— Живых людей?

— Не всегда.

— Поэтому у сестёр Корень стоит Осип, а у Лукерьи — «Л» от её собственного имени.

Вы выбирали не по одному правилу.

Мирон провёл языком по сухим губам.

— Книга выбирала.

— Книга не держит перо.

— Старые строки проявляются после внесения дани.

— Сами?

— Иногда.

— Ты видел, как появляются?

— Я видел чистый лист вечером и буквы утром.

— Кто имел ключ ночью?

Мирон посмотрел на Луку. Старший убрал ладонь со стола.

— Трое, — сказал переписчик. — Старший, хранитель склада и я.

— Елисей хранитель?

— Помощник. Ключ получает под расписку.

Савватий указал на нижнюю строку.

— Это тоже проявилось?

— Не знаю.

— Узнаёшь руку?

— Буквы печатные.

— Зато слово «вместо» соединено. Ты всегда соединяешь «с» и «т» верхней дугой.

Мирон отдернул руку, словно бумага обожгла.

— Так пишут многие.

— На приказе Аглае — такая же дуга.

Лука вмешался:

— Даже если строку переписал Мирон, это не значит, что он её придумал.

— Верно. Откуда переписал?

— Мирон? — спросил Лука.

Теперь вопрос исходил от старшего, и отказаться стало труднее. Переписчик медленно вынул из-под рубахи свёрток, который принёс из архива. Внутри была не книга, а три листа для просушки. На верхнем виднелись расплывшиеся столбцы имён.

— Страница намокла, — сказал Мирон. — Я сделал рабочую выписку, чтобы восстановить порядок строк. Этот лист — часть выписки.

— Кто отрезал?

— Не я.

— Где остальная часть?

— Пропала утром.

— До или после того, как ты ушёл в архив?

— Обнаружил перед спуском.

— Почему не сообщил?

— Хотел сначала убедиться.

Савватий развернул мокрую страницу. Читать её было трудно. Чернила расплылись, но первые буквы имён в среднем столбце сохранились. Он нашёл Гаврилу Кутя, Прасковью Лом, Осипа Кореня. Напротив каждого стояли короткие пометы: «не слышит», «держит дом», «умер, имя осталось». Это был не список должников.

Ниже шла строка, где фамилию смыло почти полностью. Осталось: «Сав... Р...». Справа — «годен вместо».

Аглая увидела запись через открытую дверь и вошла, несмотря на запрет.

— Вместо кого?

Мирон прижал края страницы, чтобы они не свернулись.

— В оригинале дальше было имя нынешнего носителя.

— Какое?

Мирон побледнел ещё сильнее. Лука ответил за него:

— Имя не вынесут из этой комнаты. Пока носитель служит, даже лишний звук отнимает у него то, что ещё осталось.

За окном полуденный колокол ударил один раз. Во дворе рыбаки двинулись к воротам. Запрет закончился, хотя проверки настоящих признаков Савватий так и не провёл.

— Вы всё равно выпускаете лодки, — сказал он.

— Туман отступил от красной отметки, — ответил Лука. — Держать людей больше нельзя.

— Значит, ложный свет был нужен не ради двух дней. Ради утра.

— Иногда утро и есть всё время, которое остаётся.

Савватий свернул список вместе со своей копией. Лука протянул руку.

— Это часть цеховой книги.

— Она была выдана разносчикам и лежала на улице.

— По ошибке.

— Ошибку я и буду проверять.

— Оригинал останется здесь.

— Оригинал мокрый и без правого края. Я сниму копию при свидетелях.

Лука посмотрел на Аглаю, Данилу, Терена, на перепуганных разносчиков и мастеров в дверях. Забрать лист силой означало признать, что строка опаснее любой поддельной раковины.

— Снимай, — сказал он. — И добавь, что книга не выбирает носителя. Она лишь отмечает пригодность.

— Кто объяснил книге, что значит пригодность?

— Те, кто пережил прежние передачи.

— Нынешний носитель участвовал?

— Это записано в договоре.

— Покажите оригинал.

— Увидишь заверенную копию. Завтра, при свидетелях.

Савватий записал обещание Луки. Потом отдельно переписал строку о себе, сохраняя каждую размытую букву. Его имя выглядело на мокрой бумаге чужим: начало ещё узнаваемо, конец исчезал в сером пятне. «Годен вместо» стояло чётче.

Сначала назначение. Потом человек.

У двери Кира Сеть ждала решения. Фома держал руки за спиной, чтобы никто не подумал, будто он снова потянется к листу.

— Нас накажут? — спросила Кира.

— За соль ответит склад, — сказал Лука. — За уничтожение бумаги — Фома.

— Он не успел уничтожить, — возразил Савватий.

— Намерение видел Данила.

— Тогда запишите показание. Не приписывайте поступок.

Лука кивнул Мирону. Тот открыл реестр.

Савватий понял, что снова исправляет одну строку, пока вокруг пишут целую историю. На Гончарной дети уже разносили весть о буквах. К вечеру соль назовёт двенадцать кандидатов, ночью — одного. Завтра люди вспомнят не разносчиков, а то, что знаки появились у порогов сами.

— Аглая, — сказал он. — Вернись на улицу. Собери соль с каждого знака в отдельный свёрток. Пусть хозяева подпишут место и время.

— А ты?

— Заберу раковину у Даны. Потом найдём Елисея.

— А носитель?

Савватий посмотрел на размытую строку.

— Сначала копия договора. Я хочу увидеть, чем Лука называет добровольное согласие, когда моё имя уже стоит после слова «вместо».

Глава 6. Имя кандидата

К утру соль на Гончарной успела назвать больше людей, чем было порогов.

Савватий слышал это ещё у рыбных навесов. Торговка угрями уверяла соседку, что белые буквы легли перед домами всех вдов. Грузчик с перевязанным запястьем спорил: не вдов, а тех, кто хоть раз вытаскивал утопающего. Мальчишка, подбиравший щепу у коптилен, объявил, будто на каждом пороге проступило одно и то же имя, только взрослые нарочно его затёрли.

Ни один из троих не был вчера на Гончарной.

Савватий не стал их поправлять. Он остановился у пустой рыбной кадки и по очереди попросил каждого повторить, от кого тот слышал новость. Торговка сослалась на сестру с Нижних мостков, грузчик — на цехового точильщика, мальчишка — на всех сразу. Через четыре пересказа двенадцать разных букв превратились в одно имя, которого никто не мог назвать.

Так работало хорошее ложное чудо. Предмет ему требовался лишь на первое утро. Потом люди сами носили его дальше, обтачивали неровности и добавляли то, чего им не хватало для страха.

У ворот цеха висела свежая дощечка: «Разбор книги договора — при закрытых дверях». Под строкой Мирон приписал время и имена свидетелей. Савватий нашёл своё имя третьим, после Луки Ставения и Аглаи Рун. Последним стоял Терен Мол, маячный сменщик. Данилу Шороха в список не внесли.

— Почему без меня? — спросил Данила, прочитав дощечку через его плечо.

— Потому что ты умеешь выбивать двери до того, как хозяин договорит.

— Один раз выбил.

— Поэтому и умеешь.

Данила насупился. Под глазом у него темнел след вчерашней драки со складскими. Ночью он искал Елисея Мокреца в ночлежках и пустых соляных сараях, но нашёл только брошенный белый плащ. На внутренней стороне воротника осталась сажа, а в кармане — три медные заклёпки и сухая корка хлеба.

— Елисей к отливу вернётся, — сказал Данила. — Ему платить должны.

— Кто?

— Если бы знал, уже сидел бы у его двери.

Савватий передал ему свёрток с плащом.

— Отнеси Аглае на маяк. Пусть сравнит сажу с той, которой чистят верхнее зеркало. Потом найди Фому и Киру. Спроси, кому они рассказывали о надписи. Не что рассказывали, а кому.

— А если меня не пустили потому, что хотят закрыть тебе рот?

— Тогда снаружи пригодится человек, который умеет открывать двери.

Данила заметно повеселел и ушёл к пристани.

В приёмной цеха пахло мокрой верёвкой и горячим клеем. Мастера говорили тише обычного. Вчерашние листы ещё лежали под грузами, но стол, на котором Савватий видел размытую страницу, был пуст. Мирон сидел у внутренней двери и переписывал один и тот же абзац в три книги. Рядом стояли песочница, сургуч и четыре печати.

— Где оригинал? — спросил Савватий.

Перо Мирона на мгновение задержалось.

— Внизу.

— В архиве?

— Там, где ему положено быть.

— Вчера ему было положено сохнуть здесь.

— Высох.

Мирон промокнул строку песком. На его среднем пальце чернело свежее пятно, похожее на тонкую дугу. Савватий протянул руку.

— Покажи.

— Что?

— Палец.

Переписчик сжал ладонь.

— Ты порезался краем листа?

— Иглой.

— Шил книгу?

— Скреплял копию.

Савватий перевернул лежавший рядом лист. Вдоль левого поля тянулись четыре отверстия. В трёх нитка проходила ровно, у четвёртого бумага была разорвана, словно сшивавший торопился.

— Копию сделали этой ночью?

— Лука велел подготовить к разбору.

— С какого списка?

— С заверенной выписи.

— Не с оригинала договора?

Мирон опустил взгляд.

— Оригинал нельзя поднимать без носителя.

— Вчера Лука обещал показать заверенную копию. Он не обещал, что ты перепишешь выписку с другой выписки.

— Слова те же.

— Тогда зачем столько ступеней между мной и словами?

Внутренняя дверь открылась. Лука был без белого цехового плаща, в простой серой рубаше с засученными рукавами. От этого он казался не старшим, а мастером, которого подняли до рассвета из-за лопнувшей формы.

— Чтобы одна пара глаз не получила власть над гаванью, — сказал он. — Оригинал читают носитель, старший и переписчик. Каждый оставляет выпись. Сравнение трёх выписей заверяет цех.

— А если старший приказывает переписчику дописать чужое согласие?

Мирон втянул воздух. Лука не повернулся к нему.

— Тогда остаётся выпись носителя.

— Покажите её.

— На столе будут все разрешённые свидетельства.

Лука отступил, пропуская Савватия внутрь.

Комната разбора не имела окон. Свет давали три масляные лампы под медными колпаками. На столе лежала книга, слишком новая для древнего договора: восемь серых листов, прошитых красной нитью, концы которой прижали сургучными печатями. Рядом поставили чашу с морской водой и блюдце соли. Аглая стояла у дальней стены, Терен — у двери. Оба пришли раньше.

Савватий взглянул на сестру. На рукавах её синей куртки белели соляные разводы. Она не поздоровалась, только едва заметно качнула головой в сторону книги.

Лука закрыл дверь и положил ключ перед собой.

— Здесь копия действующего договора, — сказал он. — Личность носителя закрыта по правилу сохранения имени. Вы увидите обязанности, способ передачи и признаки пригодности. Любая попытка вынести скрытые строки будет считаться покушением на держ гавани.

— Кем считаться? — спросил Савватий. — Туманом или цехом?

— Сначала цехом. Если не повезёт — туманом.

— Удобная очередь.

Терен кашлянул в кулак. Аглая не улыбнулась.

Лука коснулся первой печати.

— Проверяйте.

Савватий не открыл книгу. Сначала он осмотрел нить. Красную скрутили из шерсти и тонкого конского волоса. На узле застыла капля серого воска, хотя печати были из зелёного сургуча.

— Книгу уже вскрывали после сшивки.

— Исправляли пропуск в нумерации, — ответил Мирон.

— Когда?

— Ночью.

— После заверения?

— До последней печати.

Савватий поднял книгу к лампе. Отверстия третьего и четвёртого листа не совпадали с остальными. Серый воск скрывал место, где прежнюю нить перерезали.

— Какая печать последняя?

Мирон указал на круглую, с маячной башней.

— Это печать смотрителя, — сказала Аглая. — Моя лежит в запертом ящике на башне.

Лука посмотрел на неё без удивления.

— Твой помощник принёс её на рассвете по записке.

— Терен здесь с ночной смены.

Терен шагнул к столу.

— Я ничего не приносил.

— Не он. Младший помощник.

— У меня нет младшего помощника, — сказала Аглая.

Мирон побледнел. Лука взял книгу и поднёс печать ближе к огню. На оттиске была башня с тремя окнами. У настоящей маячной печати нижнее окно уже шесть лет имело скол, похожий на щучий хвост. Здесь все три окна были целыми.

— Старый резец, — произнёс Лука.

— Поддельная печать, — сказала Аглая.

— Она не меняет слов.

— Зато изображает моё согласие.

Савватий услышал в её голосе вчерашнюю ярость, сдержанную только теснотой комнаты.

— Откройте книгу, — сказал он. — Раз уж согласие сестры вы изготовили без неё, посмотрим, что оно заверяет.

Лука сломал печати сам. Мирон вытянул красную нить, разложил листы и прижал края свинцовыми грузиками.

Первая страница начиналась не с обращения и не с перечисления сторон. Вверху стояли слова: «Держь тумана у Белых Свай». Ниже шли обязанности носителя. Он должен был отвечать на зов со стороны моря, принимать дань солью и именами, удерживать туман за внешними сваями во время входа лодок, а в случае слабости — передать держь другому.

Савватий читал медленно. Мирон водил тупым концом пера по строкам, чтобы никто не мог сказать, будто слова пропустили.

— «Передать другому, названному при трёх свидетельствах», — прочёл Савватий. — Не «тремя свидетелями».

— Старое окончание, — сказал Лука. — Смысл тот же.

— Нет. Назвать может один человек при трёх свидетельствах. Или трое должны дать три разных свидетельства. Это не одно и то же.

— За сто сорок лет применяли первое толкование.

— В этой копии нет ста сорока лет.

— Они в книгах передач.

— Которые тоже нельзя видеть без носителя?

Лука промолчал.

На второй странице описывалось согласие. Новый носитель должен был услышать своё полное имя, понять обязанности и коснуться воды, в которой растворена дань. Слова «свободная воля» не встречались. Вместо них стояло: «не отвергнет названия перед людьми».

— Вот ваша добровольность? — спросила Аглая. — Если человек не успел возразить перед толпой, значит, согласился?

— Отвержение должно быть ясным, — ответил Лука.

— Савватий вчера записал ясный запрет считать его имя согласием.

— До чтения обязанностей. Отказ от неизвестного не имеет силы.

Савватий перевернул лист.

— А согласие на неизвестное имеет?

Лука устало потёр переносицу.

— Поэтому мы и читаем ему договор.

Слова повисли в комнате. Мирон перестал вести пером. Терен взглянул на Аглаю, потом на дверь, словно проверяя, заперта ли она по-прежнему.

— Не ему, — сказал Лука после короткой паузы. — Любому признанному пригодным.

— Моё имя уже стоит в книге, — напомнил Савватий. — На Гончарной двенадцать букв разложили так, чтобы слобода сама выбрала из них мою фамилию. А теперь вы читаете обязанности при воде и соли. Чего не хватает до передачи?

Он отодвинул чашу. Вода плеснула о край.

Мирон вскочил так резко, что опрокинул песочницу.

— Я не растворял соль.

— Сядь, — сказал Лука.

— Он должен знать.

— Сядь.

Мирон остался стоять.

Савватий поднёс чашу к свету. На дне лежали белые крупинки. В морской воде соль была неразличима на вкус, но не на вид, если её бросили недавно. Несколько кристаллов ещё не растаяли в царепине у края.

— Кто налил воду?

— Служка, — ответил Лука.

— Имя.

— Митка Грай.

— Он знал, для чего она?

— Для пробы печатей.

Савватий поставил чашу на пол подальше от стола.

— Моего прикосновения не будет. Терен, ты свидетель: я не принимаю названия, не соглашаюсь на держь и считаю воду приготовленной без предупреждения.

— Свидетельствую, — сказал Терен.

— Аглая?

— Свидетельствую.

— Мирон?

Переписчик посмотрел на Луку.

— Свидетельствую.

Лука закрыл глаза. Всего на мгновение, но Савватий увидел не гнев, а страх.

— Если бы я хотел провести передачу, — тихо сказал старший, — здесь находился бы нынешний носитель. Без него договор не переписать.

— Тогда назовите его.

— Нет.

— Почему кандидат должен быть известен всей слободе, а человек, который отдаёт ему свою ношу, скрыт даже от свидетелей?

— Потому что носитель уже почти лишился имени. Каждый раз, когда его называют, туман получает ещё одну связку: лицо, голос, поступок. И размывает её. Вы думаете, имя — звук. Для держи это верёвка. Чем чаще за неё тянут, тем быстрее она рвётся.

Савватий вспомнил людей, которых видел много раз и не мог сразу поместить ни в один дом. Старуху у сетяного сарая, приносившую ему тёплую воду после ночной проверки. Женщину в сером платке, которая однажды окликнула лодку прежде, чем та вошла в ложный проход. Лица всплыли и тут же разошлись, не соединяясь в одного человека.

Он не стал ловить догадку. Пока это было только отсутствие памяти, а отсутствие легко подделать собственным страхом.

— Скрытая личность не оправдывает поддельную печать, — сказал он.

— Не оправдывает, — согласился Лука.

Мирон резко поднял голову.

— Вы знали?

— О старом резце — да. О том, что Аглая его не присылала, — нет.

— Кто мог взять резец? — спросил Терен.

— Половина цеха. Его используют на учебных грамотах.

— А красную нить и серый воск?

— Вторая половина.

Савватий перелистнул страницу. На третьей начинался перечень признаков пригодности: человек слышит зов со стороны моря, умеет отличить настоящий туман от дыма, уже был назван держью или прежним носителем, не связан другим обетом. Последняя строка гласила: «дом его прежде держал».

— Что значит это? — спросил он.

Мирон придвинул лампу.

— Семья. Род.

— Вчера ты говорил, книга отмечает пригодность после внесения дани.

— Так говорили мне.

— А теперь?

— Теперь вижу, что часть имён могла появиться потому, что их дома уже участвовали в передаче.

Савватий нашёл на полях маленький крестик. Не печать, не цеховой знак — две торопливые черты, причём нижняя раздваивалась от нажима. Рядом бледными чернилами было вписано: «Дом отвечает не кровью, а обещанием. Не делать наследством».

Аглая шагнула к столу.

— Подвинь лампу.

Мирон послушался.

Она не касалась листа, но склонилась так низко, что выбившаяся прядь легла рядом с записью.

— Это не часть копии, — сказал Лука. — Поле перенесли из старой выписи как примечание.

— Чьё примечание?

— Не подписано.

Аглая провела ногтем над раздвоенной чертой, не задевая бумаги.

— Наша мать так ставила крест, когда боялась забыть строку.

Савватий посмотрел внимательнее. Почерк был мелкий, сжатый. Буква «д» стояла на коротких ножках, а хвост у «я» уходил влево, под предыдущее слово. Он помнил этот хвост на записках, которые мать оставляла под глиняным кувшином: «Аглая — к огню», «Савватий — за сетью». Когда она торопилась, слово «не» почти слипалось в одну чёрточку.

Здесь было то же «не».

Он вспомнил руки матери лучше, чем лицо: красная трещина на большом пальце, запах рыбьего жира и золы, привычка разглаживать бумагу ребром ладони. Умерла она, когда ему было семнадцать. Сказали — от горячки после сырой зимы. Перед смертью она три дня не узнавала детей и называла их «старшая» и «младший».

Тогда это объяснили жаром.

— Откуда поле? — спросил Савватий.

Лука ответил не сразу.

— Из выписи прежней передачи.

— Какого года?

— Двадцать два года назад.

Комната стала теснее. Савватий сосчитал, хотя считать было нечего: ему было семнадцать.

— Мать умерла двадцать два года назад, — сказала Аглая.

— Я помню.

— Ты уже был старшим?

— Был младшим печатником. Старшим стал позже.

— Она была носителем?

Лука покачал головой.

— Нет.

— Кандидатом?

— Свидетелем.

— Чего?

— Передачи.

Аглая ударила ладонью по столу. Свинцовый груз подпрыгнул, лист едва не свернулся.

— Кому?

— Этого я не скажу.

— Она потеряла наши имена после вашей передачи!

— Она заболела.

— Она пришла с маяка насквозь мокрая и велела мне никогда не ставить печать под пустым листом. Наутро назвала меня смотрительницей, хотя я была ученицей. Через неделю перестала узнавать Савву.

Савватий редко слышал это домашнее имя. Аглая перестала его употреблять после похорон, словно вместе с матерью исчезло право сокращать его.

— Ты говорила, был жар, — сказал он.

— Жар тоже был.

— Что ещё ты не сказала?

Она выпрямилась.

— Не здесь.

— Именно здесь. Моё имя в вашей книге. Её почерк на полях. Лука приготовил воду. Где ещё?

Аглая посмотрела на него с тем упрямством, которое в детстве означало: она уже решила принять наказание, но не выдать тайник.

— Мать оставила лист, — сказала она. — Последний из наставления смотрителя, тот, которого не хватает в башенной книге. Я нашла его после похорон.

— Где он?

— Спрятан.

— Ты читала?

— Не весь. Чернила проявляются только в тумане, а когда я попыталась вынести его на галерею, буквы начали уходить.

Лука медленно опустился на стул.

— Лист должен быть в архиве.

— Значит, мать вынесла его раньше вас.

— Аглая, это не семейная память. Это часть договора.

— Тогда почему её почерк есть у вас, а её предупреждение — у меня?

Старший посмотрел на книгу. Впервые с начала разбора он не нашёл готового ответа.

Савватий перевернул ещё один лист. Поля дальше были чистыми, слишком чистыми: волокна по краю поднялись после соскабливания. Он поднёс страницу боком к лампе. На бумаге остались вмятины от прежних слов.

— Мирон, уголь.

— Нельзя тереть заверенную копию.

— Не тереть. Положи сверху тонкий лист и проведи мягким углём.

Лука протянул руку, но остановился. Запретить такую пробу после поддельной печати означало окончательно отказаться от вида честного разбора.

Мирон принёс папирный лист из шкафа. Савватий наложил его на поле и лёгкими движениями провёл углём. Бумага потемнела, вдавленные места остались светлыми. Проявились обрывки: «Рун», «не наслед...», «иначе имя...».

Аглая закрыла рот ладонью.

— Кто соскоблил запись? — спросил Савватий.

— В выписи, с которой я копировал, поле уже было чистым, — сказал Мирон.

— Но нажим сохранился.

— Значит, счищали после того, как положили лист на нижний.

— Или копировали оба поля, а потом одно убрали, — заметил Терен.

Мирон взглянул на него с благодарностью и тут же испугался собственной благодарности.

— Где выпись-источник? — спросил Савватий.

Лука поднялся.

— В нижнем архиве.

— Покажите.

— Сейчас прилив.

— Архив затапливает?

— Нижнюю дверь можно открыть только в отлив. Иначе вода войдёт в лестницу и погубит книги.

— Когда отлив?

Терен ответил:

— После вечернего колокола. Самая низкая вода — к ночи.

— Значит, пойдём к вечеру.

— Нет, — сказал Лука.

Савватий сложил угольный лист пополам.

— Тогда я выйду и расскажу, что заверенная копия скреплена поддельной печатью, приготовлена рядом с водой и солью, а предупреждение моей матери о наследовании соскоблено.

— Ты вызовешь панику.

— Паника уже ходит по рынку и выбирает имя. Я дам ей проверяемые предметы.

— Нижний архив открывают старший, переписчик и действующий носитель.

— Вчера было достаточно ключей старшего, хранителя и переписчика.

— Для верхних полок.

— Позовите носителя.

— Не могу.

— Тогда объясните правило, по которому скрытый человек должен присутствовать при передаче, но не может прийти на проверку собственной выписи.

Лука подошёл к двери, взял ключ, однако не отпер её.

— Он приходит, когда способен, — сказал старший. — Сегодня не способен.

— Болен?

— Слабеет.

— Или не знает, что вы выбираете преемника?

Лука повернулся. Страх исчез; осталась злость, холодная и точная.

— Следи за словами, Савватий. Я лгал рыбакам о втором свете, потому что иначе они вывели бы лодки в воду, которая не держала отражение. Я позволил соли указать дома, потому что мне нужны были люди, способные выдержать зов. Но ни одной передачи без ведома носителя не было и не будет.

— «Позволил»? Значит, приказ отдали вы?

— Я велел отметить дома. Не велел разносить рабочую выписку и выкладывать буквы на порогах.

— Елисей сам придумал сделать тайный список публичным?

— Найди его и спроси.

— Найду. А вечером вы откроете архив.

— Если носитель придёт.

— Если не придёт, мы проверим хотя бы дверь, уровень воды и ваши ключи.

Лука посмотрел на Мирона. Тот всё ещё стоял, прижав уколотый палец к ладони.

— Хорошо, — сказал старший. — После вечернего колокола. Аглая оставит спрятанный лист на месте до сравнения.

— Нет, — ответила она.

— Тогда сравнивать будет не с чем.

— Я принесу копию.

— Копия для тебя хуже подлинника только тогда, когда её делаю я?

— Моя печать хотя бы будет моей.

Терен отвернулся, пряча усмешку.

Лука отпер дверь. Шум мастерских ворвался в комнату: стук молотков, скрежет точила, чей-то спор о размере заклёпки. Обычная работа звучала почти вызывающе.

На пороге Савватий задержался.

— В списке вчера было «С. Р. — годен вместо». Если пригодность идёт от дома, почему не Аглая? Она старше, служит маяку и слышит зов моря лучше меня.

Аглая резко повернулась к нему.

Лука ответил:

— Потому что она уже отказалась.

Теперь замолчали все.

— Когда? — спросил Савватий.

— Двадцать два года назад.

Аглая побелела.

— Мне был двадцать один год. Я не видела договора.

— Тебя называли при свидетелях. Ты сказала «нет».

— Кто назвал?

— Ваша мать.

Аглая схватилась за край стола. Савватий успел подставить руку под чашу, которую она задела локтем. Солёная вода пролилась ему на пальцы.

В комнате погасла одна лампа.

Не от ветра — окон не было, дверь стояла открытой, но воздух не двигался. Пламя просто сжалось до синей точки и исчезло. На мокрой коже Савватия выступил холод, будто руку опустили в зимнее море.

Лука рванул чашу у него из рук и швырнул на пол. Глина раскололась. Вода растеклась между плитами.

— Никто не произносит его полного имени, — приказал он.

— Ты сам только что назвал мою мать свидетелем, — сказала Аглая.

— Я не знал, что соль уже в воде.

— Мирон знал, — сказал Савватий.

Переписчик стоял у стены и дрожал.

— Я увидел кристаллы, когда вы начали читать. До этого думал, чаша для печатей.

Савватий вытер руку о рубаху. Холод не уходил. В щели между плитами белела тонкая линия, и на миг ему показалось, что она складывается в первую букву его имени. Он наступил на неё сапогом.

— Передачи не было, — сказал Лука. — Не было носителя, полного названия и принятия.

— Зато был приготовлен каждый предмет, — ответил Савватий. — И вы только что сообщили, что наш дом уже участвовал в передаче.

Аглая подняла со стола угольный оттиск.

— Вечером я принесу материнский лист. Не копию.

— Ты сказала, он гибнет вне тумана.

— Значит, прочтём в тумане.

Она вышла первой. Терен последовал за ней, бросив на Савватия тревожный взгляд.

Во дворе Данила проталкивался сквозь мастеров. Увидев Аглаю, он остановился, но она сунула ему белый плащ и коротко велела идти с ней на маяк.

— Нашёл Елисея? — спросил Савватий.

— Нет. Зато нашёл, кто ему платил. Кладовщик выдал деньги по медной рыбке с насечкой старшего. Таких рыбок сделали двадцать семь.

Лука услышал. Он стоял в дверях комнаты разбора, держа в руке обрывок красной нити.

— Медные рыбки — жетоны на штормовой паёк, — сказал он.

— Тогда почему одну дали за соляные буквы? — спросил Данила.

— Потому что Елисей должен был отметить дворы перед раздачей пайка.

— А остальные двадцать шесть кому?

Лука не ответил.

Савватий посмотрел на своё мокрое запястье. Холод поднимался к локтю узкой полосой. На коже не было ни ожога, ни знака, но когда Мирон окликнул его из дверей, слово прозвучало странно — будто переписчик знал обращение и в последнюю секунду его забыл.

— Господин... испытатель.

Мирон сам услышал запинку и испуганно сжал губы.

— Моё имя, — сказал Савватий. — Назови его.

— Савватий Рун.

На этот раз получилось. Однако во дворе сразу стихли два молотка. Мастера обернулись, словно имя прозвучало не к человеку, а к пустому месту рядом с ним.

Лука шагнул вперёд.

— До вечера не касайся морской воды и не отвечай, если тебя зовут из тумана.

— Почему?

— Потому что договор услышал кандидата.

— Вы говорили, передачи не было.

— Не было. Но это не значит, что держь глуха.

— Удобно устроено: когда слова нужны вам, это ремесло. Когда они выходят из-под власти — дух.

— Можешь злиться после шторма. Сейчас делай, что сказано.

Савватий хотел возразить, но Аглая уже спускалась к воротам. Она шла быстро, не оглядываясь, и всё же он видел по поднятым плечам: её держит не решимость, а страх перед памятью, которую придётся открыть.

Он догнал сестру у бочки с дождевой водой.

— Что мать велела тебе тогда?

— Не сейчас.

— Лука сказал, она назвала тебя.

— Лука умеет ставить правду туда, где она служит лжи.

— Но ты сказала «нет»?

Аглая остановилась.

— Я сказала. Мать разбудила меня ночью и спросила, возьму ли я на себя то, что держит гавань. Я решила, речь о маяке. Ответила, что не возьму, пока она не объяснит. Потом пришли трое из цеха. Она назвала меня полностью, а я закричала «нет». Через два дня мать заболела.

— Почему ты молчала?

— Потому что не знала, что это было. А когда стала смотрительницей и нашла лист, поняла только одно: она пыталась не передать нам что-то по наследству.

— Мне передать можно?

— Никому нельзя без правды.

Савватий кивнул. Это был не ответ, но единственный, который она сейчас могла дать.

За воротами их ждали люди. Не толпа — пока ещё соседи, торговцы, двое рыбаков с сетяными иглами, Фома и Кира, несколько детей. Увидев Савватия, они расступились. Женщина с корзиной подняла руку, будто хотела перекрестить его по старому береговому обычаю, но передумала.

— Какое имя было на соли? — спросил рыбак.

Савватий посмотрел на белые крупинки в швах мостовой.

— Разные.

— А выбрала кого?

— Соль никого не выбирает.

— Цех говорит, книга отметила годного.

— Цех ещё не показал книгу без поддельной печати.

Люди загудели. Лука вышел на крыльцо, но Савватий не дал ему забрать первый смысл.

— Сегодня после вечернего колокола мы проверим выпись в нижнем архиве. До этого любое имя, которое вам назовут, — не решение тумана и не согласие слободы. Это только слово, сказанное человеком.

— Твоё? — выкрикнул мальчишка у ворот.

Савватий почувствовал, как холодная полоса дошла до плеча.

Он мог соврать. Мог назвать одиннадцать других строк и спрятаться среди них. Мог сказать, что собственного имени не видел. Но тогда Лука оказался бы прав хотя бы в одном: чистота опыта стала бы роскошью, от которой охотник отказался, едва цена коснулась его кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.